

**КРЕСТЬЯНСКИЕ и РАБОЧИЕ ДВИЖЕНИЯ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Историко-социологические очерки

Серия «Революционные движения»

Под ред. проф. И.Н.Бороздина

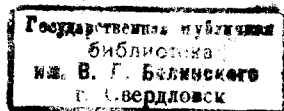
М.: издательство товарищества «Мир». 1924

Веб-публикация:

библиотека *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловие	5
I.—Жакерия	9
II.—Восстание Уота Тайлера	59
III.—Восстание Чiomпи во Флоренции	133

Настоящие очерки имеют целью охарактеризовать ряд социальных движений на Западе, протекавших на фоне перерождения экономических отношений в деревне и городе в эпоху так назыв. позднего средневековья. Для деревни эта эпоха знаменовала собою падение натурального (замкнутого) хозяйства и связанной с ним крепостной зависимости крестьянства, для города—наряду с расцветом „городского хозяйства“ и цехового ремесла появление в передовых странах Европы хозяйства капиталистического, связанного с новыми формами производства, а параллельно этим явлениям—рождение пролетариата и возникновение рабочего вопроса. Оба процесса нередко проходили в обстановке тяжелых стихийных бедствий и политических нестроений, создавали подчас невыносимое положение для широких народных масс и сопровождались бурными выступлениями их против правящих классов—дворянства и крупной буржуазии. Отнюдь не имея в виду охарактеризовать эти выступления во всем их разнообразии, мы останавливаемся лишь на типичнейших и важнейших из них, строго придерживаясь при этом рамок эпохи, которую принято называть термином средневековья. В первом очерке речь идет о французской

Жакерии, как наиболее ярком типе чисто стихийного восстания доведенных до отчаяния крестьянских масс, не имевших ни определенной программы, ни правильной организации, восстания, уже по самому своему характеру обреченного на полную неудачу и лишь ухудшившего положение французской деревни. Восстание Уота Тайлера, о котором идет речь во втором очерке, представляет собою тип крестьянского движения, во многом отличного от Жакерии, и скорее приближающегося к позднейшей великой крестьянской войне в Германии: здесь налицо и отчетливые программы восставших, и вполне разработанная идеология движения, и более или менее правильная его организация; здесь же участие в восстании, наряду с крестьянством, городского населения, придавшее движению особенную мощь и увенчавшее его успехом, правда, кратковременным. В третьем очерке речь идет о чисто городском движении в обстановке раннего капиталистического хозяйства—восстании Чиомпи во Флоренции, как первом показателе только что народившейся новой общественной силы—городского пролетариата. Будучи втянут в политическую борьбу средней и мелкой буржуазией, рабочий класс средневековой Флоренции не захотел довольствоваться ролью простого орудия для достижения ее целей, осознал свои собственные классовые интересы и попытался улучшить свое положение захватом политической власти в республике.

Ни одно из упомянутых движений, как известно, в конечном счете не имело успеха. Подавляя своею численностью, широкие народные массы были, однако, слишком бедны материальными и техническими средствами, чтобы сломить или даже хотя бы на длительное время умерить силы своих сеньоров и патронов. При всем разнообразии оттенков крестьянских и рабочих движений в средние века, судьба их всюду была одна и та же: за первыми, подчас головокружительными, успехами неизменно следовало скорое и полное их крушение.

Н. Грацианский.

Жакерия.

Эпоха так называемого „позднего средневековья“, обнимающая собою период времени приблизительно с XII по XV стол., есть эпоха образования новых экономических и социальных порядков на Западе. Развитие менового (денежного) хозяйства, создавшее новые отношения в городах, привело к коренным изменениям и в деревне. Сельское хозяйство, построенное в эпоху так называемого „раннего средневековья“ главным образом на поместном строе и крепостном крестьянском держании, уже с XII—XIII вв. начало разлагаться, так как оно перестало уже отвечать новым потребностям жизни. Если ранее, в эпоху господства натурального хозяйства и феодальных отношений, при сравнительно малочисленности населения, при громадном количестве пустующих пространств, радикальным средством обеспечить экономическое благосостояние правящих кругов общества являлось прикрепление земледельцев к земле, лишение их свободы передвижения, то теперь, с ростом населения, с заполнением пустующих пространств, система крепостных отношений оказывалась ненужной. Мало того, она даже вредила экономической жизни

Европы, перестраивавшейся на новых началах городского и капиталистического хозяйства. С одной стороны, город нуждался в свободных рабочих руках для обслуживания нужд промышленности и торговли, с другой стороны, скопившиеся в городах капиталы требовали рационального применения их и в сельском хозяйстве. Но этому противен был весь уклад натурального хозяйства, построенный на прикреплении трудящихся слоев населения к земле, на рутинном экстенсивном землепользовании и монополиях сравнительно небольшой группы помещиков. Вот почему натуральное хозяйство, а вместе с тем характерная черта его—крепостное право, непременно должны были покачнуться под натиском новых течений. Естественно поэтому, что там, где вновь народившийся класс горожан был господином положения, именно, в северной и средней Италии, освобождение крестьян, выразившееся в переводе их на положение свободных арендаторов, пришло сверху, и не из за каких-либо гуманных соображений, а чисто из за экономического расчета. Точно также и во Фландрии, где развита была городская жизнь, крестьяне уже в XIII—XIV вв. получили свободу. Не так обстояло дело в других странах Запада, где сильны были представители старого строя—феодалы дворяне. Здесь отмена крепостного права и развитие новых видов отношений земледельца к земле совершались медленно и постепенно, причем процесс этот нередко при-

нимал болезненный характер и сопровождался кровавыми крестьянскими восстаниями. Одним из таких эпизодов „борьбы незнатных людей против знатных“ за улучшение своей участи и была французская Жакерия.

Освобождение крестьян, сделавшее во Франции огромные успехи в XII—XIII вв., сводилось здесь к превращению лично зависимых крепостных людей, так называемых сервов, в свободных поселанвилланов, повинности которых были уже не личного, а реального характера, и обуславливались главным образом земельным держанием. И если еще в начале XII в. для французского крестьянства типично было состояние серважа, то уже в начале XIV в. типичным делается состояние свободного вилланства. Освобождение сервов выражалось в уничтожении специфически сервских повинностей—права „мертвой руки“, в силу которого к сеньору переходила собственность крестьянина в случае, если он не оставлял после своей смерти прямых наследников, „формарьяжа“, или брачной повинности, в силу которой сервы платили налоги за разрешение вступать в брак с лицами из чужого поместья, и „произвольной тальи“, дававшей право сеньору облагать своих людей какими угодно поборами во всякое время, по своему усмотрению. Отпускные грамоты, единичные и коллективные, вызваны были фискальными интересами сеньоров и давались за плату, иногда очень значительную,

настолько значительную, что сервы, не будучи в состоянии внести ее, нередко отказывались от освобождения. Бывало и так, что крестьяне прямо разбегались с поместий, не желая платить выкупных сумм за дарование им личной свободы. Все же практика освобождений делала быстрые успехи, и не только по инициативе сеньоров, но и по инициативе крестьян, так как выгоды ее для той и другой стороны были очевидны; сеньор получал деньги, которые необходимы были ему в условиях денежного хозяйства, а крестьянин из кабального человека—холопа превращался в лично свободного земледельца. Перечисляя права последнего, одна отпуская грамота XIII в. говорит, что он, будучи свободным человеком, имеет право по усмотрению распоряжаться своим имуществом, делать завещания, заключать браки, принимать духовное звание и самостоятельно выступать на судебных процессах. Правда, если крестьянин освобождался от крепостной зависимости, то земля его от крепостных повинностей не освобождалась, и последние выражались в денежных и натуральных платежах и незначительной барщине. Свободный виллан не был, следовательно, собственником своей земли, а лишь вечно-наследственным ее владельцем, на котором тяготел ряд феодальных повинностей, иногда очень многочисленных, очень мелких, убыточных и стеснительных для крестьянского хозяйства, бывших вечным источником

враждебного чувства крестьян к их сеньорам. Надо, впрочем, принять во внимание, во 1-х, то, что эти повинности были строго фиксированы, во 2-х, то, что они иногда переводились на денежный чинш, обычно незначительный, хотя коммутация (перевод крестьянских повинностей на деньги) и не играла во Франции такой большой роли в процессе освобождения крестьян, как в Англии.

Сплошь и рядом сеньоры поневоле должны были освобождать своих сервов, вынуждаемые к этому чрезвычайной подвижностью населения и постоянной угрозой бегства крестьян с их участков. Широкий процесс колонизации проходил в XII—XIII вв. не только в Германии, но и во Франции, выражаясь главным образом в заселении тех обширных лесных пространств, которые в XI в. покрывали большую часть территории Франции. Колонисты оседали здесь на льготных условиях, как свободные поселенцы, с точно определенными повинностями в пользу сеньоров. Среди дремучих лесов выростали таким путем не только деревни, но и целые города—так называемые „новые города“, и эти новые центры не могли не притягивать к себе все новых и новых насельников, состав которых пополнялся, главным образом, беглыми сервами. Сервы бежали и в города иного типа—коммуны и города буржуазии, которыми покрылась на протяжении XII—XIII вв. Франция. Бежали они и на другие поместья, на территории которых сер-

важ отменялся или смягчался. Вернуть беглого серва было делом нелегким. Требовалось доказать его несвободу на суде свидетельскими показаниями, а это было связано с такими хлопотами, что сеньоры часто предпочитали заключать любовные сделки с беглецами и давать им освобождение за денежную плату. Иногда сеньоры заставляли своих крестьян клятвенно обещаться не покидать пределы поместья, но само собой разумеется, что радикальным средством предотвратить это бегство было освобождение, т. е. дарование крестьянам тех же льготных условий, которые они могли найти в местах своих новых поселений.

Не везде освобождение крестьян сделало в эпоху позднего средневековья одинаковые успехи. Если в одних областях Франции (напр., Нормандии, Провансе и Руссильоне) серваж исчез совершенно уже в XIII—XIV вв., то в других областях (главным образом в центре и на востоке Франции) остатки его существовали до самой революции. Во всяком случае улучшение в быте крестьян к началу XIV ст. было несомненно, и население достигло тогда приблизительно той же цифры, какой оно равнялось в начале XV в. В частности, сравнительно мирная обстановка XIII и первой трети XIV вв., при отсутствии больших войн на территории Франции, как нельзя более способствовала поднятию благосостояния широких слоев населения, которое поминало впоследствии век Филиппа

Красивого, как своего рода золотой век в жизни нации. Многолюдные села, окруженные прилежно возделываемыми полями и вольными угодьями, на которых паслась масса скота, как нельзя лучше говорили о резком контрасте между объединенной Францией данной эпохи и раздробленной феодальной Францией XI—XII ст.

Столетняя война и сопровождавшие ее внутренние нестроения, а равно стихийные бедствия в виде чумы, неурожая и голодовок, в корне подорвали благосостояние французской нации вообще, и французского крестьянства в особенности. Наряду с бандами голодных бродяг, крестьянину особенно досаждали отряды наемных солдат—и своих и чужих, безнаказанно грабивших его во время военных действий, еще более грабивших во время перемирий. Распускаемые со службы, за прекращением военных действий, эти обломки бывших армий отнюдь не складывали оружия. Соединяясь в более или менее крупные отряды под начальством вождей (капитанов) из знатных и простолюдинов, они захватывали замки и укрепленные города, господствовали над окрестной территорией, и кормились за счет населения, утесняя его всевозможными способами. Современники оставили нам подробные повествования о разбойничьих подвигах этого международного сброда, для которого ничего не было запретного на чужой территории. Гасконцы, наварцы, испанцы, англичане, бретонцы,

немцы, брабанты и другие наемники, разоряя жителей, захватывали их в плен, влекли за собою пленников сворами, как собак, истязали их бичами, выбивали им камнями зубы, отрубали руки и ноги, вспарывали животы, в лучшем случае томили в заключении, пока не получали выкупа по своему усмотрению. Они насиловали женщин—простюдинок, хватали и везли с собою или содержали в своих крепостях знатных дам и девиц, отбирали у родителей детей, чтобы сделать их своими пажами и воспитать для разбойничьей жизни. Бриганды (таково было название наемников) не церемонились ни с кем, даже с духовенством, не говоря уже о крестьянстве: они грабили церкви и монастыри, хватали епископов и священников, пили из церковных сосудов, заставляли дрожать самого папу в Авиньоне. Строгая военная организация, подвижность легко вооруженной пехоты и искусная система шпионажа давали возможность бригандам появляться, как снег на голову, там, где их вовсе не ожидали, и собирать таким образом с населения обильную добычу. Нападение врасплох, по свидетельству летописцев, было обычною тактикою этих разбойников. Выследивши какой-нибудь город или замок, „они собирались в количестве двадцати или тридцати человек и шли потайными путями, пока не входили в город или замок, который выследили, прямо среди бела дня, и поджигали какое-либо жилище. Горожане, пола-

гая, что пришла тысяча вооруженных солдат, чтобы предать пламени их город, разбегались, кто куда мог. А эти бриганды разбивали дома, сундуки, ящики, забирали все их содержимое, а потом шли своею дорогою, обремененные награбленным“. Иногда они прибегали к переодеванию, и мы, например, знаем, что один замок в окрестностях Корбейля внезапно был захвачен бригандами, переодетыми свинными торговцами. По свидетельству тех же летописцев, „некоторые из бригандов, особенно капитаны и начальники их, настолько обогащались, что имели по 40 тысяч экю денег“. В этом нет ничего удивительного, так как одна удачная экспедиция могла дать капитану бригандов огромную добычу. Известно, например, что английский капитан—Роберт Маркаунт, подвизавшийся со своею шайкою в Шартрской области, при внезапном нападении на Вандом, взял в плен графиню и ее дочерей и потребовал от графа выкупа в 40 тысяч золотых флоринов. Этот Маркаунт расширил область своей деятельности до окрестностей Манса и произвел открытое нападение на замок епископа. Но жители перехитрили капитана. Предупрежденные заранее о его планах, они вынули болты из под'емного моста, и разбойник, смело вступивший на этот мост, утонул в крепостном рву с частью своих товарищей.

Ни одна профессия не была более выгодна и даже более уважаема в XIV в., нежели профессия

бриганда. Вот какими словами один из них, продавший свой замок в Оверни графу Арманьяку, описывал свою былую бесшабашную жизнь: „Как мы веселились, когда, рыская по большим дорогам, встречали богатого аббата, приора, купца, или же караваны из Монпелье, Лиможа, Фугана, Безье, Тулузы, Каркассона, груженные сукнами из Брюсселя, мехами с ярмарки Ланди, пряностями из Брюгге, или шелками из Дамаска и Александрии! Все было наше, или платило, нам выкуп по нашей воле. Каждый день приносил нам новую добычу. Крестьяне Оверни и Лимузена доставляли в наш замок зерно, муку, печеный хлеб, овес и солому для лошадей, доброе вино, быков, овец и жирных баранов, кур и всякую живность. Мы жили и одевались, как короли, а когда выезжали на добычу, весь свет трепетал перед нами... Честное слово, эта жизнь была хороша и прекрасна!“.

Все было к услугам брига́ндов—богатая и роскошная жизнь, благоволение знатных дам, даже расположение светских и духовных государей. Король Филипп Валуа, приглашая к себе на службу знаменитого вождя обосновавшихся в Бретани брига́ндов.— Крокуорта, соблазнял его предложением звания рыцаря, женитьбы на богатой невесте и ежегодного жалованья в 2000 ливров. Другой капитан брига́ндов — Реньо де Серволь, оставшийся не у дел после перемирия 1357 г., грабил Прованс, доходил в своих набегах до Авиньона, и навводил

страх на папу и кардиналов. Приглашенный ко двору Иннокентием VI, он, по словам летописца, „встретил там такой почетный прием, как будто бы был сын короля Франции, беседовал много раз во дворце с папой и кардиналами и получил отпущение всех грехов. А при отъезде ему вручили 40 тысяч эю для раздачи его сотоварищам“. Бессильному правительству, очевидно, ничего не оставалось делать, как договариваться и заигрывать с вождями брига́ндов, так как попытки обуздать их разбои не имели успеха. Мы знаем, например, что правительственный отряд из наемных испанцев, посланный Филиппом Валуа против капитана действовавших в Бургундии брига́ндов — Пьерро Савойского, по словам летописца, „причинил не менее зла своим друзьям, чем врагам“. Несколько позднее (в 1362 г.) целое королевское войско на голову было разбито в окрестностях Лиона пятнадцатитысячным отрядом брига́ндов, причем в битве погибло несколько графов.

Само собой разумеется, что от неистовств брига́ндов более всех доставалось крестьянству, которое должно было платить выкуп разбойникам за сохранение своей жизни и имущества, поставлять им провиант, даже отправлять в их пользу барщинные работы. Хищническая деятельность брига́ндов особенно развернулась после несчастной битвы при Пуатье (1356 г.), окончившейся, как известно, полным разгромом французской армии и

пленом короля Иоанна, когда королевство, волнуемое внутренними смутами и управляемое неопытным 19-летним дофином Карлом, не имело в своем распоряжении средств для защиты от алчных неприятелей. Двухгодичное перемирие, заключенное с Черным Принцем в Бордо (1357 г.), привело к роспуску английской армии, по большей части состоявшей из бригаднов. Последние образовали тогда так называемые „большие компании“ и безнаказанно хозяйничали чуть ли не на всей территории Франции. В частности, Иль де Франс, Шампань и отчасти Пикардия, т. е. как раз те местности, которые вскоре были охвачены крестьянским восстанием, наиболее страдали от подвигов бригаднов. Нельзя было ступить шагу, не купивши охранных листов у разбойников, которые, кстати сказать, не всегда с этими охранными листами считались. Нередко бригадны отбирали у крестьян не только провиант, но и весь инвентарь, даже плуги, которые перековывали в оружие. И если дворяне и горожане могли найти убежище от разбойников в укрепленных замках и городах, то жители открытой равнины защищались от грабителей собственными средствами, как умели. „В этом 1358 году, сообщает современный летописец, много неукрепленных селений превратили свои церкви в настоящие цитадели, окопавши их рвами, уставивши на башнях и колокольнях военные машины, камни и баллисты, чтобы защищаться от бригаднов в слу-

чае их нападения, а это, как кажется, случалось очень часто. Ночью на вершине этих башней бодрствовали часовые; (днем) сторожили дети, чтобы предупредить о приближении неприятелей. Заметивши их издали, они поднимали тревогу трубными звуками и колокольным звоном. При этом сигнале крестьяне, покидая свои дома и поля, возможно скорее искали убежища в церкви. Другие, на берегах Луары, проводили ночи со своими семьями и стадами вдаль от своих хижин, на островах реки, или же в лодках, установленных в середине ее течения“. Ничего и говорить о том, что все эти меры не всегда помогали крестьянству даже при нападениях мелких отрядов. Приходилось поэтому совсем покидать насиженные родные жилища и, подобно диким зверям, ютиться в лесных чащах, пещерах и подземельях.

Полное разорение и перспектива голодной смерти—вот что грозило крестьянству в результате подвигов шаек бригаднов. А сеньоры, призванные опекать крестьянство и охранять его от врагов, часто сами вели себя хуже разбойников, своими хищениями и вымогательствами довершая гибель деревни. Страшную ненависть питали вследствие этого жители открытых полей не столько против бригаднов, сколько против своих сеньоров, которых они не без основания считали виновниками переживаемых бедствий. Рыцари, которые должны были дать отпор неприятелям, постыдно

проиграли сражение и вместо того, чтобы лечь костьюми „за короля и отечество“, массаи сдавались в плен малочисленному врагу, с тем, чтобы, заплативши выкуп, снова вернуться к привольной, распутной и расточительной жизни. А выкуп должны были платить те же крестьяне, у которых отнимали последнее по трусости, коварству и корыстолюбию знати. В „жалобной песне о Пуатье“, написанной каким то горожанином, но отражающей настроение крестьянства после несчастной битвы, как нельзя лучше сказалось озлобление простого народа против рыцарства и своеобразная оценка им создавшегося политического положения. Автор начинает с излияния своей скорби по поводу поражения, в котором погибли тысячи жизней и сам добрый король попал в плен к англичанам, будучи предан дворянами. Последние постыдно бежали с поля битвы и тем явно обнаружили свою измену отечеству. Этим людям нет никакого дела до несчастий родной страны. Одна у них страсть—жадность к деньгам. Вот почему они уговорились с англичанами тянуть войну до бесконечности и сдаваться друг другу в плен, чтобы награждать друг друга выкупными деньгами. Само собой разумеется, что „о таком народе не сложить хорошей песни“. И что всего досаднее, они кичатся своим благородным происхождением. Откуда же у них все их бесчисленные пороки—бесстыдная похвальба, заносчивая гордыня, вероломство, безбожие, при-

крываемые блестящею внешностью, которая „оглушает и ослепляет, как гром и молния?“. С молодом матери они всосали в себя предательство, и не найти у них ни одного доброго качества. Но если таковы виновники несчастного поражения, то не таков доблестный король Иоанн, „благороднейшее из всех созданий“. Он храбро сражался с врагами, и однако всеми покинутый, даже собственными своими сыновьями, ничего не мог сделать для спасения королевства. „Боже, спаси и защити нашего короля!“, с неподдельным одушевлением восклицает автор „жалобной песни“. Только бы королю вернуться поскорее из плена домой, и тогда еще не все потеряно. Ведь, если дворяне предали страну неприятелям, то простой народ совсем не повинен в измене. Пусть король обратится к нему за помощью, и он встанет грудью для обороны отечества. Жак Простак—вот в ком спасение родины. Пусть ведут его на поле сражения, и он не побегит постыдно домой. Он сумеет вырвать из рук неприятеля победу, в противном же случае сложит с честью свои кости за родину. Как видим, „жалобная песня о Пуатье“, смело ратующая за непосредственный союз королевской власти с народом, прямо объявляет вредным и, следовательно, ненужным элементом общества представителей рыцарства. Здесь перед нами уже вполне назревший лозунг восставших жаков, стремившихся, по словам летописцев, „истребить знатных

людей всех до последнего“. На самом деле, к чему существование знати, раз она ничего не делает для блага страны, а лишь только утесняет крестьянство? Неужели дворяне нужны лишь для того, чтобы кормиться насчет широких масс населения? Не лучше ли покончить с ними силами народа, а вместе с тем раз навсегда покончить со всеми теми повинностями, которыми дворянство обложило крестьян в свою пользу? Ничего крестьянин не видел от своего сеньора, кроме вреда, тем более, что этот сеньор, притворяясь верным слугой короля, на самом деле часто дружил с заклятыми его недругами, в частности, не прочь был при случае сам стать бригадом, или, по крайней мере, войти с бригадами в стачку, чтобы общими силами грабить крестьянина. Такой взгляд на сеньоров нашел себе прекрасное выражение в басне о собаке и волке, записанной у современного монаха-летописца, сочувствовавшего простому народу. „В это время, говорит летописец, те, кто должен был защищать народ, не менее теснили его, чем неприятели, и можно бы сказать, что оправдывалась басня о собаке и волке. Была некогда сильная собака, к которой питал полное доверие ее господин, так как надеялся, что она отважно будет защищать его овец от нападений волка. Так много раз и было. Но вот со временем волк сделался близким другом собаки, которая позволяла ему безнаказанно уносить овец, а сама делала вид, что

преследует его, чтобы отнять овцу и вернуть ее своему господину. Когда же волк и собака были один на один вблизи леса и вдали от глаз пастуха, они вместе лакомились овцою. Такой прием повторялся часто, и всегда собака получала похвалы от своего господина, уверенного в том, что, преследуя волка, верное животное делало для спасения овцы все от нее возможное. Так эта проклятая собака умела скрыть свое коварство. В конце концов вместе с товарищем она пожрала... всех овец своего господина“. Ясно, что „проклятая и коварная собака“—это знать, обманывающая своего господина— короля, а овцы, которых она предаст волку,—это крестьяне, которым грозит полная гибель, если они сами не встанут на свою защиту. Медлить больше нельзя, так как простой народ стоит уже на краю гибели. Вот какими мрачными красками описывает современник положение французской деревни в это тяжелое время. „В этом (т. е. 1358) году виноградники, источник благотворной влаги, веселящей сердце человека, не возделывались; поля не обсеменялись; быки и овцы не ходили по пастбищам; церкви и дома... всюду носили следы всепожиряющего пламени или представляли груды печальных, еще дымящихся развалин. Глаз не услаждался, как прежде, видом зеленых лугов и желтеющих нив, но наталкивался всюду на терния и сорные травы. Колокола не звонили радостно, призывая верных к божествен-

ной службе, а лишь били тревогу, подавая сигнал к бегству крестьян при приближении неприятелей. Что сказать мне еще? Самая отчаянная нищета царила повсюду, особенно между крестьянами, ибо сеньоры переполняли их страдания, отнимая у них и имущество и их бедную жизнь. Хотя и оставалось ничтожное количество скота — крупного и мелкого, сеньоры все же требовали платежей за каждую голову... Вместе с тем они редко давали себе труд защищать своих вассалов против набегов и нападений неприятелей“. Сеньоры, повидимому, не отдавали себе строгого отчета в том положении, в каком находились крестьяне, взимая с них с прежнею, и даже с еще большею, строгостью все их повинности, так как более, чем когда либо, нуждались в денежных средствах. Правда, некоторые из сеньоров выражали опасение, как бы не умереть голодною смертью вследствие разорения деревни, но большинство отгоняло эти страхи простым соображением, что „у Жака Простака добрая спина, которая все сможет вынести“. Однако терпение Жака Простака, старая вражда которого к знати обострилась до крайности, все же имело свои пределы. Достаточно было только искры, чтобы вызвать пожар стихийного и жестокого взрыва крестьянского восстания.

Надо сказать, что крестьянство того времени не было совершенно инертной и неорганизованной массой. Во Франции издавна существовали села-

приходы, наделенные известною долею автономии. И количество таких сел все более и более умножалось по мере того, как отменялась крепостная зависимость. Крестьяне имели своих выборных должностных лиц, сообща пользовались угодьями и, по мере возможности, совместными силами обороняли себя мирными и вооруженными средствами от посторонних поплзновений. Мы уже знаем о мерах вооруженной самозащиты крестьян от бригаднов. Правительство отнюдь не запрещало таких мер. Наоборот, мартовский ординанс 1357 г. разрешал и даже рекомендовал крестьянам устраивать союзы для вооруженного отстаивания своих прав от насилий разнузданной солдатчины. Само собой разумеется, что при этом трудно было установить, где кончается область законных полномочий и где начинается беззаконие. Да и крестьянам, при их озлоблении против военного класса, трудно было удержаться в определенных рамках при выступлении против грабителей, так как в сущности все представители знати рассматривались, как грабители. Неудивительно поэтому, что одно из местных вооруженных выступлений крестьян против насильников стихийно разрослось в „беззаконный“ мятеж, кровавое восстание—Жакерию.

В это время в политической жизни королевства наблюдалась такая же разруха, как и в жизни экономической. Тяжелая война, требовав-

шая огромного напряжения всех сил французской нации и роковым образом сопровождавшаяся постоянными неудачами, вскрыла многочисленные язвы тогдашнего государственного устройства Франции и заставила депутатов третьего сословия (горожан) стать на Генеральных Штатах в оппозицию монархическому правительству. От почтительных и верноподданных указаний королю на непорядки в государственном строе Штаты постепенно перешли к решительному стремлению взять в свои руки управление государством и его оборону. Оппозиция Штатов особенно усилилась после битвы при Пуатье, когда депутаты третьего сословия, возглавляемые купеческим старшиной города Парижа—Этьенном Марселем, добились издания так назыв. „великого мартовского ордонанса“ 1357 г., ставившего правительство под контроль и опеку представителей от сословий. Вместе с тем развернула свою деятельность так назыв. Наваррская партия, предводимая епископом Ланским—красноречивым и бесцеремонным Робертом Лекоком. Эта партия отстаивала чисто личные интересы коварного и продажного родственника короля Иоанна-Карла Злого, короля Наваррского, виновного в целом ряде интриг против королевского дома, сносившегося с англичанами и подвергнутого королем Иоанном тюремному заключению. Молодому, но умному дофину Карлу, очутившемуся вследствие плена отца во

главе государства, приходилось всячески изворачиваться, чтобы спасти престиж и прерогативы королевской власти. В конце 1357 г. Карл Наваррский неожиданно был выпущен без ведома дофина из тюрьмы, явился в Париж, чтобы строить новые козни против королевского дома и сумел увлечь на свою сторону Этьенна Марселя. Тогда народная оппозиция королевскому правительству раскололась. Сначала от нее отделилось дворянство и духовенство, интересы которых никогда не совпадали с интересами широких масс населения, а потом отошли от Марселя, скомпрометировавшего себя причастностью к „наваррской интриге“, и многие горожане. Народная оппозиция в сущности свелась, таким образом, к оппозиции партии, и позиция дофина, которому удалось собрать под своим начальством значительную армию, настолько упрочилась, что Марсель имел серьезные основания опасаться возможности возвращения к старым порядкам. Тогда энергичный купеческий старшина решился на последние средства и попытался воздействовать на дофина угрозой жестокой народной расправы. 22 февраля 1357 г. он ворвался с толпой вооруженных парижан во дворец и распорядился умертвить двух важнейших королевских советников—маршалов Шампани и Нормандии, кровь которых обрызгала платье дофина. „Сколько проистекло отсюда бедствий, сколько погибло людей и опустошено деревень!“, восклицает по дан-

ному случаю современник. Дофин, провозглашенный регентом королевства, имея основания опасаться за свою жизнь, счел за лучшее бежать из столицы в провинцию, где и нашел энергичную поддержку со стороны Генеральных Штатов Компьени, а Марсель, открыто разорвавший с правительством, деятельно занялся устройством обороны Парижа, опираясь на поддержку расположившегося со своей армией в окрестностях города Карла Наваррского.

В мае 1358 г. важнейшие укрепленные пункты Иль де Франса и Бовэзи были заняты войском дофина, в значительной части состоявшем из представителей знати. Намереваясь уморить мятежных парижан голодом, дофин распорядился перехватить все пути сообщения с столицей и таким образом воспрепятствовать подвозу к ней продовольствия. Крестьянам такая тактика дофина обошлась очень дорого. Привлеченные к работам по починке крепостей, они терпели все время от солдат, промышлявших конфискацией продовольствия, грабежом и разбоями. В понедельник 28 мая одна из таких воинских банд, разорвавших деревню, в местечке Saint-Leu d'Esserens подверглась нападению доведенного до отчаяния окрестного деревенского населения, потерпела от него поражение и потеряла 9 человек убитыми—4-х рыцарей и 5 оруженосцев. Удовлетворивши свое чувство мести, крестьяне испугались возможности

возмездия и решили, не складывая оружия, привлечь к своему делу как можно более сторонников. Правда, восставшие лишь воспользовались своим законным правом самозащиты, согласно мартовскому ордонансу 1357 г., но они отлично понимали, что сеньоры не будут разбираться в этих тонкостях и истребят их всех до единого для устрашения прочих. Вот почему они и решили от защиты перейти к нападению большими силами, и притом сделать это как можно скорее, чтобы не дать сеньорам времени опомниться и собраться с силами для организации сопротивления. В данном случае насущные интересы крестьян вполне совпадали с их долго сдерживаемыми страстями—жаждою кровавого мщения сеньорам за вековые насилия. Горючего материала, как мы знаем, везде накопилось достаточно; за первым „погромом“ (effroi) последовали другие, и восстание из области Бовэзи (теперешний департамент Уазы) быстро распространилось в Пикардии, Иль де Франсе, отчасти в Шампани и далее к востоку. В общем оно захватило территорию северной Франции на протяжении 14 теперешних департаментов.

Современные хронисты, особенно Фруассар, не скупятся на краски, чтобы изобразить страшные и бесчеловечные жестокости восставших крестьян по отношению к представителям знати. Вот кошмарное описание Жакерии, данное Фруассаром. „Вскоре после освобождения короля Наваррского

случился удивительный и великий мятеж во многих областях королевства Франции, именно, в Бовэзи, в Бри, на Марне, в Лаоннэ, Валуа и всей стране до Суассона. Некие люди из деревень собрались без вождя в Бовэзи, и не было их в начале более 100 человек. Они говорили, что знать королевства Франции—рыцари и оруженосцы опозорили и предали королевство и что было бы великим благом их всех уничтожить. И тому, кто так говорил, каждый кричал: „истинную правду он сказал; позор тому, кто будет помехою истребления знатных людей, всех до последнего!“ Потом собрались и пошли в беспорядке, не имея никакого оружия, кроме палок с железными наконечниками и ножей, прежде всего к дому одного ближайшего рыцаря. Они разгромили и предали пламени дом, убили рыцаря, его жену и детей—малолетних и взрослых. Затем подошли к другому крепкому замку и сделали еще хуже: захвативши рыцаря, они привязали его к крепкому столбу и на его глазах насильовали жену и дочь много раз, один после другого, а потом убили даму, которая была беременна, дочь, детей, наконец, самого рыцаря, замок же подожгли и разгромили. Так они поступили со многими замками и добрыми домами, и умножились настолько, что их уже было добрых 6 тысяч; всюду, где они проходили, их число возрастало, ибо каждый из людей их звания за ними следовал; рыцари же, дамы, оруженосцы и их жены бежали, унося на

своей шее малых детей, по 10 и по 20 миль до тех пор, пока не считали себя в безопасности, и покидали на произвол судьбы и свои дома и имущество. А эти злодеи, собравшиеся без вождя и без оружия, громили и сжигали все на своем пути, убивали всех знатных людей, которых встречали, истязали и насильовали всех дам и девиц без жалости и без милосердия, как бешеные собаки. Наверное, ни христиане, ни сарадины никогда не видели таких неистовств, какими запятнали себя эти злодеи. Ибо кто более всех творил насилий и мерзостей, о которых и помышлять то не следовало бы человеческому созданию, те пользовались среди них наибольшим почетом и были у них самыми важными господами. Я не осмелюсь ни написать, ни рассказать о тех ужасных и непристойных поступках, которые они допускали по отношению к дамам. Между прочим... они убили одного рыцаря, насадили его на вертел и, повертывая на огне, поджарили при даме и ее детях. После того, как 10 или 12 из них истязали и насильовали женщину, они накормили ее и детей этим жареным, а потом всех умертвили злой смертью. Выбрали короля из своей среды, который, как говорили, происходил из Клермона в Бовэзи, и сделали его первым над первыми. И величали его король—Жак—Простак. Они сожгли и начисто разгромили в области Бовэзи, а также в окрестностях Корби, Амьена и Мондидье более 60 добрых домов и крепких зам-

ков, и если бы бог не пришел на помощь своею благостью, эти злодеи так бы размножились, что погибли бы все благородные воины, святая церковь и все зажиточные люди по всему королевству. Ибо таким же образом действовали названные люди и в области Бри и Патуа. Пришлось всем дамам и девицам страны, и рыцарям, и оруженосцам, которые успели избавиться от их власти, бежать в Мо в Бри по одиночке, как умели, между прочим, и герцогине Нормандской. И бежали все высокопоставленные дамы, как и другие, если не хотели стать жертвами истязания, изнасилования и злой смерти. Точно таким же образом поименованные люди вели себя между Парижем и Нуайоном, между Парижем и Суассоном, между Суассоном и Ан, в Вермандуа и по всей стране до Куси. И тут творили они великие злодеяния и разгромили в области Куси, Валуа, епископства Ланского, Суассона и Санли более 100 замков и добрых домов рыцарей и оруженосцев, а всех, кого хватали, грабили и убивали. Но бог, по своей благодати, ниспослал спасение, за которое его надо премного благодарить, как вы потом увидите“.

Новейшие исследователи неоднократно выражали свое сомнение в правдивости приведенного отрывка из Фруассара, обвиняя певца рыцарства в преувеличении жестокостей, совершенных восставшими Жаками. Рассказ Фруассара, действительно, носит, как мы видели, своеобразный ха-

рактер. Он наполнен общими местами, лишенными часто конкретного содержания, и пестрит целым рядом мелких неточностей. Надо думать, что Фруассар (точнее его образец—Иоанн Красивый, у которого почти целиком Фруассар списал повествование о Жакерии, лишь позднее изукрасивши его некоторыми подробностями), действительно, полного доверия не заслуживает. Рассказ, повидимому, написан просто по слухам, без всякого стремления автора проверить эти слухи и, наоборот, с явной тенденцией всячески очернить восставших крестьян, чтобы тем самым, может быть, оправдать последовавшую вскоре кровавую расправу с ними знати. Вот почему некоторые известия Фруассара и отличаются такую неопределенностью. И все же у нас нет достаточных оснований целиком отвергать данные Фруассара о кровавых жестокостях Жакерии. Может быть, эти жестокости были не так уточненны, как говорит Фруассар, но то, что они действительно имели место, подтверждается, во первых, единодушными свидетельствами других хронистов, из которых один явно сочувствовал бедствиям несчастного крестьянства, во вторых, письмом к городам Фландрии одно время состоявшего в союзе с Жаками Этьенна Марселя, который не отрицал, а, наоборот, подчеркивал кровавый характер восстания, наконец, в третьих, позднейшими королевскими разрешительными грамотами восставшим, которые пестрят известиями о насилиях и

убийствах. Да и психологически трудно допустить, чтобы восстание Жаков, до крайности озлобленных против своих сеньоров, обошлось без кровавых жестокостей. Ведь, грубые нравы того времени еще более огрубевшие в обстановке постоянной войны и анархии, отличались, как нам известно, крайнею дикостью, и кровавые убийства были самым обыденным явлением. И нельзя было ожидать от крестьян великодушия и жалости к их заклятым врагам, т. е. таких качеств, которых ни у кого из современников не было. Можно поэтому сказать, что рассказ Фруассара, если и не совсем верный фактически, правдив психологически: в нем чрезвычайно удачно схвачены чувства и настроение восставших. „Истребить знатных людей всех до последнего“ со всеми их разбойничьими замками—это давно лелеянная мечта крестьян, единственный и всякому как нельзя более понятный лозунг восставших, у которых, как мы знаем, совсем не было никакой определенной программы.

Восстание не протекало по заранее обдуманному плану. Оно вспыхнуло внезапно и развивалось чисто стихийно, причем захватило не одних только крестьян, но и „зажиточных людей, горожан и других“. Мы видим в числе восставших деревенских ремесленников—бочаров, каретников, мясников, мелких торговцев яйцами, живностью, сыром и другими сельско-хозяйственными продуктами, нисших полицейских чиновников (прево, сержантов),

даже священников. Так, об одном из них сохранилось известие, что, присоединившись к восставшим, он поносил регента всякими неприличными словами („сын потаскушки“, „душегубец“ и т. д.). Два других были вождями восставших и принимали деятельное участие в разрушении замков. Одни из этих не принадлежавших к крестьянству лиц присоединились к восставшим добровольно, очевидно, считая их дело и своим делом, другие действовали исключительно из-за страха, исключительно под угрозой смерти. Мы знаем, что таким путем крестьяне заставляли вступать в свои ряды даже представителей знати.

С самого начала восстания крестьяне выбрали предводителя из своей среды—некоего Гильома Карла, родом из Мелло (деревушки соседней с Saint-Leu, в Бовэзи), „человека очень сведущего и хорошего говоруна“, выделявшегося стройным телосложением и красивым лицом, а главное „видевшего войну“. По одному известию, этот недюжинный человек среди крестьян лишь под угрозой смерти согласился принять начальство над дисциплинированными отрядами восставших и, очевидно, плохо верил в возможность успеха их дела. В помощники ему дали одного трактирщика, тоже знакомого с военным делом, и эти два человека оказались единственными лицами среди крестьян, способными руководить их военными действиями. Прекрасно понимая свою слабость вследствие не-

достатка сведущих руководителей, восставшие всячески старались завербовать в свои ряды представителей дворянства, усердно предлагая звание капитана тем рыцарям, которые имели несчастье очутиться в их власти. Мы знаем, например, что такое предложение было сделано двум представителям знатной фамилии Бернье, которых крестьяне схватили на дороге. Один из этих Бернье наотрез отказался принять предложение и был изрублен на месте, другой из страха согласился и оставался с крестьянами во все время восстания. В другой раз восставшие, очутившись в затруднительном положении вследствие временной отлучки Гильома Карла, уговорили, под страхом смерти, принять над ними начальство некоего Жермен де Ревейона, близкого друга графа Монфорского. Ревейон лишь в течение „полдня и ночи“—руководил крестьянами, а потом, воспользовавшись благоприятным случаем, сбежал, но дворянство потом припомнило этому рыцарю его поведение, начисто разгромивши его имущество. Сам Ревейон спасся от ярости мстителей лишь потому, что некоторое время укрывался в лесной чаще вместе с семьею.

Гильом Карл, как „генеральный капитан“ Жаков, завел нечто вроде канцелярии и печать, издавал приказы и грамоты и имел под своим начальством ряд местных капитанов, у которых были свои помощники или десятники. Такова была несложная организация восставших, представлявших собою

недисциплинированные и крайне плохо вооруженные толпы поселян, не имевших никакого понятия о военном деле. Вдобавок они плохо слушались своего капитана и, вопреки его приказу держаться вместе большими массами, действовали в разброд небольшими отрядами. Быстрые успехи крестьян в первые дни восстания всецело объясняются растерянностью деморализованного военными неудачами, застигнутого врасплох и объятого паническим ужасом дворянства, которое не могло дать организованного отпора движению и лишь искало спасения в бегстве. Между тем армия восставших, умножаемая все новыми и новыми сторонниками, росла, как снежный ком, и через несколько дней Гильом Карл имел под своим начальством от 5 до 6 тысяч человек, немилосердно стиравших с лица земли сеньориальные дома и замки со всем их содержимым и истреблявших попадавших под горячую руку представителей знати с их семьями. Надо сказать, что Гильом Карл решительно протестовал против кровавых жестокостей Жаков, но, ослепленные жаждою мщения, они не обращали внимания на увещевания своего предводителя. В начале июня в долинах Уазы и Терэна не осталось ни одного замка, ни одного дома знати. Между прочим, крестьяне с ожесточением уничтожали сеньориальные архивы с записями крестьянских повинностей; они их рвали на мелкие куски и предавали пламени. Восставшие развернули знамя

с изображением цветка лилии—знак их верности королю и действовали при кличе „mont-joie“—старом боевом кличе французов.

Умный и дальновидный Гильом Карл прекрасно понимал, что его недисциплинированная и опьяненная легкими мелкими успехами армия неминуемо должна погибнуть при первом же серьезном натиске знати, если не найдет сильных помощников и организаторов. Такими помощниками и организаторами естественно могли быть горожане. „Если бы буржуазия и крестьянство заключили крепкий союз, нельзя сказать, каков бы был исход социальной революции; возможно, что Жаки вышли бы из нее победителями“ (Flámermont). Этот союз казался вполне естественным и возможным, так как обе стороны до глубины души ненавидели дворянство и в сущности преследовали общие цели. В частности, восставшие парижане, во главе с Этьенном Марселем, не могли, как полагал Гильом Карл, остаться равнодушными зрителями крестьянского восстания. Вот почему „генеральный капитан“ крестьян с самого же начала восстания попытался завести сношения с Марселем, отправивши к нему делегацию из надежных людей, с просьбою не только помочь в общей борьбе против регента и знати, о и употребить всю силу своего влияния на Жаков, в целях прекращения их бесполезной жестокости. В ожидании ответа от парижан и Марселя, Гильом Карл, не теряя времени, двинулся к Компьени,

с целью привлечь город на свою сторону и, в случае успеха, иметь хоть одну твердую базу для своей армии. Диверсия, однако, не имела желанных результатов. Горожане затворили перед восставшими ворота и заявили, что они не хотят иметь с ними ничего общего. Тогда Жаки повернули к Санли, но и здесь горожане не пустили их в город и лишь после долгих переговоров согласились совместными силами разрушить некоторые окрестные замки, господствовавшие над путями сообщения и мешавшие правильным торговым сношениям. Как видим, буржуазия действует очень осторожно. Очевидно, она не прочь была использовать при случае буйные силы восставших для своих целей, но от тесного союза с ними решительно открещивалась. Если она ненавидела знать за грабежи и постоянное нарушение мира, то, ведь, и Жаки в ее глазах были носителями анархии и беспорядка. Вот почему она и не хотела связывать свое дело с делом людей, усилия которых, неруководимые никакими определенными планами, направлены были лишь на разрушения и убийства. Для крестьян такое отношение к ним буржуазии, можно сказать, было смертным приговором. Предоставленные собственным силам вне городских стен, не имея никакой точки опоры, они осуждены были на полную неудачу.

Позиция Марселя, на которого теперь были направлены все надежды Гильома Карла, в сущно-

сти мало чем отличалась от общей позиции, занятой по отношению к Жакам буржуазией. Поставленный в тяжелое положение тактикою дофина, отрезавшего подвоз с естных припасов в Париж, Марсель не хотел упускать случая воспользоваться услугами неожиданных союзников. Направивши отряд в 300 человек, под начальством старшины монетчиков—Жана Вайана, на помощь Гильому Карлу, он послал своих уполномоченных в долину Монморанси, с целью поднять там крестьян и поручить им разрушить укрепления между Сеною и Уазою, более всех мешавшие подвозу в Париж продовольствия. Поручение Марселя было выполнено как нельзя лучше: руководимые парижанами повстанцы учинили разгром не только укреплений, но и всех вообще домов знати в означенной области, воздержавшись, однако, при этом от насилия и кровопролитий.

Жан Вайан присоединился к восставшим крестьянам при осаде ими замка Эрменвиль, который общими силами был взят и разрушен. При этом Жаки захватили и собственника замка—Роберта Лорри—камергера короля Иоанна Доброго, со всем его семейством. Очевидно, лишь присутствие парижан спасло камергера от неминуемой смерти. Его лишь заставили торжественно отречься от дворянского достоинства и клятвенно заявить, что он „более любит парижскую буржуазию, чем рыцарство“. „Так избежал он смерти с женой и детьми“, говорит современник.

В это время пришла неожиданная весть о выступлении против Жаков Карла Наваррского. Гильом Карл поспешил к своим главным силам, расположенным в Мело, а парижане двинулись в Мо, оставивши, таким образом, крестьянского предводителя в минуту самой страшной опасности. Возможно, что они не хотели выступать против Карла Наваррского, считавшегося другом Марселя. Вернее, они смущены были недисциплинированностью и жестокостью крестьян, сразу уяснивши всю бесполезность для себя иметь дело с такими союзниками. По крайней мере, позднее Марсель в своем письме к городам Фландрии говорил, что его отряд покинул Жаков тотчас же после того, как убедился в невозможности умерить их кровавые выступления. Как бы то ни было, но крестьяне окончательно остались одинокими перед лицом своих страшных противников.

По пути в Мо Жан Вайан соединился с другим отрядом парижан, под начальством другого уполномоченного Марселя—Пьера Жилия, и был усилен несколькими сотнями крестьян, встретившихся по дороге. Целью парижан был захват сильно укрепленного рынка в Мо, где укрылось около 300 знатных дам, в том числе супруга, дочь и сестра дофина, под охраною небольшого количества рыцарей. Жители города давно уже были в сношениях с восставшими, и, с своей стороны, собрали большие силы для осады ненавистного им укреп-

пления. 9 июня они с радостью приняли парижан, которые вошли в город с развернутыми знаменами, предложили им обильное угощение и стали готовиться к совместному нападению на укрепление. Это укрепление возвышалось на острове между искусственно прорытым каналом и Марною и соединялось с городом Мо каменным мостом, перекинутым через Марну. При солидных стенах и башнях оно, однако, имело слишком мало защитников, чтобы успешно выдержать нападение, так как осаждавших, по словам Фруассара, было такое множество, что они сплошь заполнили все улицы города. На счастье малочисленного и напуганного гарнизона, к нему неожиданно подошло подкрепление. Два известных рыцаря южной Франции, возвращавшиеся из похода на языческих пруссов, случайно проезжая мимо, заметили отчаянное положение гарнизона и сочли своим рыцарским долгом притти к нему на помощь с 40 копьями. Когда осаждающие скопились на мосту, соединявшем город Мо с укреплением, закованные в железо рыцари отворили ворота, внезапно врезались в их гущу и произвели страшное опустошение своими мечами и копьями. Опрокинув и растоптавши передовой отряд, рыцари ворвались в самый город и избивали восставших до тех пор, пока сами не изнемогли от усталости. Последовавшее затем возмездие мятежному городу было ужасно. Весь он был разграблен и предан огню, а население

частью перебито, частью захвачено в плен, причем городского мэра тут же на месте повесили. Страшно потерпели от мщения знати и окрестные крестьяне. Деревни были сожжены, а не успевшие бежать жители перебиты. По словам современника, дворянство действовало в данном случае хуже англичан—этих прирожденных врагов королевства.

Некоторые из жителей города Мо и окрестностей нашли убежище в Санли, и знать решила преследовать их по горячим следам в этом городе, а кстати наказать и Санли за разрушение замков совместно с восставшими Жаками. Но тут дворянству решительно не повезло, и эпизод с нападением на Санли как нельзя лучше говорит о том, какую силу приобрели бы восставшие крестьяне, если бы они имели базы в городах и действовали совместно с буржуазиею. Узнавши о грозящей опасности, в Санли приняли своеобразные меры защиты. На вершинах покатых вследствие холмистого характера местности улиц были уставлены тяжелые повозки, снабженные острыми косями, а в домах засели вооруженные горожане. В то же время женщины поместились у окон, имея на голые горячую смолу и кипящую воду. Когда рыцари подошли к городу, им беспрепятственно отворили ворота и дали скопиться на улицах. Потом, по условленному сигналу, пустили с верхних концов улиц повозки, которые привели в смятение и повергли на землю лошадей вместе с всадни-

ками. Тогда выбежавшие из домов горожане стали избивать нападающих мечами, а женщины усердно лили на них смолу и кипящую воду. Оставшиеся в живых в беспорядке бежали и долгое время были предметом всеобщих насмешек, а те, что остались на месте, „не будут более вредить горожанам Санли“, по ироническому замечанию не скрывавшего своей антипатии к хищническим инстинктам дворянства современного хрониста.

Поражение при Мо было первою крупною неудачею восставших крестьян, за которою почти тотчас же последовала вторая, на этот раз окончательная. Выше уже было сказано о выступлении против Жаков Карла Наваррского. Это выступление, будто бы, было совершенною неожиданностью для восставших, которые скорее надеялись на содействие Карла, как друга и союзника Этьенна Марселя. Но само собой разумеется, что они жестоко обманулись в своих ожиданиях. Как типичный представитель знати, Карл Наваррский, конечно, никоим образом не мог быть союзником презираемых им Жаков, которые, кстати сказать, не могли оказать никакого содействия осуществлению его планов. Наоборот, в услугах знати Карл нуждался как нельзя более. Известно, ведь, что заветною мечтою этого коварного авантюриста была французская корона, а получить он ее никоим образом не мог без содействия тех, в чьих руках была политическая и военная мощь, т.-е.

знати. Вот почему он и не мог упустить случая сыграть роль великодушного ее защитника от насилией простолюдинов. К этому надо добавить, что Карл был крайне раздражен против Жаков вследствие гибели двух представителей дружественной ему знатной фамилии Пекиньи—Тестара и Гильома Пекиньи, убитых крестьянами в самом начале восстания. Все это вместе взятое и побудило Карла Наваррского ополчиться на Жаков, тем более, что это предприятие, как он был твердо уверен, не могло стоить ему серьезных хлопот и усилий.

Современники рассказывают, что пикардийские и нормандские дворяне, умоляя Карла о помощи, обратились к нему с такими словами: „Государь, говорили они, вы—первый дворянин в мире. Не потерпите же, чтобы дворянство было уничтожено. Ведь, если эти люди, называющие себя Жаками, продержатся долго, а добрые города им помогут, дворянство совершенно исчезнет“. Карл был чрезвычайно польщен таким обращением и, взявши с дворян обещание не противиться в дальнейшем его политическим планам, тотчас же выступил против Жаков во главе отряда в 400 человек, частью составленного из местного рыцарства, частью же из наваррских и английских бригаднов. Приставшие по пути другие бриганды и рыцари увеличили этот отряд до 1.000 человек, и с такими силами Карл подошел к Мело, где расположилась главная армия восставших.

Гильом Карл считал совершенно невозможным давать рыцарскому войску сражение на открытой равнине, так как отлично понимал, что поражение крестьян в таком случае неминуемо. Вот почему он всячески уговаривал Жаков идти к Парижу, чтобы занять там сильную позицию и опираться на поддержку Этьенна Марселя. Жаки, однако, решительно воспротивились этому мудрому совету: „Мы не отступим ни на пядь, кричали они, так как достаточно сильны, чтобы сразиться с дворянами“. Волей—неволей крестьянский предводитель стал выстраивать свою армию к битве. Он расположил ее на горном плато, господствовавшем над Мело и долиною Уазы, и разделил на два отряда, по 3 тысячи человек в каждом, распорядившись обнести повозками и всякою кладью и выдвинувши в первую линию стрелков из лука и арбалета. Кроме того, около 600 конных людей, из которых некоторые даже не имели оружия, должны были поддерживать пехотинцев.

Гильом Карл оказался не плохим руководителем, и позиция Жаков высматривала очень сильной. Карл Наваррский, уверенный в легкой победе и надеявшийся захватить восставших чуть ли не голыми руками, очевидно, был не мало смущен видом укрепленного лагеря Гильома Карла, из которого неслись грозные военные кличи и трубные звуки крестьян, а сверху развевались боевые знамена с белыми лилиями. Целый день 9 июня про-

тивники стояли друг против друга в бездействии. Наконец, не желая нести большие потери людьми, Карл Наваррский, по своему обыкновению, решил действовать хитростью. Попросивши перемирия, он вызвал к себе крестьянского предводителя для переговоров, а когда последний доверчиво явился, не обеспечивши свою жизнь заложниками, приказал схватить его и заковать в цепи. Вместе с тем подан был сигнал для атаки лишенных предводителя и оказавшихся вследствие этого совершенно беспомощными Жаков. Оба их пеших отряда сразу же были опрокинуты один за другим, а конница, даже не попытавшись оказать сопротивления, искала спасения в бегстве. В последовавшей затем бойне уцелели лишь те немногие из крестьян, которым удалось притаиться в полях, окружавших их лагерь. Предводитель восставших—доверчивый и несчастный Гильом Карл был отведен в Клермонт, венчан здесь до красна раскаленным треножником и обезглавлен после страшных мучений.

Таким образом, ровно через две недели после начала восстания Жаки были раздавлены. Казалось, что на этом и должно было кончиться мщение. Однако, оно только лишь начиналось. Современники яркими красками изображают дикую и кровавую расправу с восставшими, в которой спешили принять участие все представители знати, без различия партий. 800 крестьян было умерщ-

влено в Клермонте и его окрестностях, 1^{1/2} тысячи около Пуа, 800 между Пуа и Герберуа, тысяча в Галлефонте; там же 300 крестьян были сожжены в монастыре, в котором они искали убежища. В Бри граф де-Русси приказывал вешать крестьян у входов в их хижины. Не остался в стороне от участия в бойне и дофин. „Смерть мужикам!“, кричали сопровождавшие его отряды, истребляя крестьянство. До 24 июня, по единодушному показанию хронистов, погибло 20 тысяч человек. Убивали без разбора и виновных и невиновных. Истребляли взрослых, стариков, женщин, детей без пощады. Вместе с тем в этой вакханалии смерти выжигали крестьянские посеы, уничтожали жилища, стирали с лица земли целые деревни вместе с церквями. Оставшиеся в живых крестьяне спасались со своими семьями в лесах, а сеньоры ожесточенно охотились за ними, как за дикими зверями. Многие области северной Франции обратились в пустыню, так как Жаки разрушили замки сеньоров, а неоставшиеся в долгу сеньоры разгромили их хижины.

Этьенн Марсель был чуть ли не единственным человеком, сочувствовавшим несчастным крестьянам. В своем полном негодования письме к вольным городам Фландрии он следующим образом заклеил кровавые неистовства знати: „Вы слышали, писал Марсель, как великое множество знати, не различая добрых от злых, виновных от

правых..., пожгло города, избило без всякой жалости и милосердия добрых людей..., предало мучительным пыткам жен, детей, священников и духовных, опозорило женщин в присутствии их мужей, словом, запятнало себя злодеяниями более жестокими и более бесчеловечными, нежели те, которые некогда совершили вандалы и сарацины“. И он призывал свободолюбивые фландрские города, чтобы „хоть они выступили на защиту народа, честных земледельцев и честных торговцев против дворян—этих убийц, разбойников и злых врагов бога и веры“. Призыв Марсея, как известно, остался безрезультатным, и союз мятежного купеческого старшины с восставшими крестьянами, оттолкнувши от него часть парижан, лишь ускорила собственную его гибель.

Нельзя не удивляться близорукой политике правительства, которое не сочло своим долгом принять энергичные меры для прекращения бессмысленного разорения деревень, можно сказать, губельного для королевства в разгар его напряженной борьбы с англичанами. В самом деле, до объявления общей амнистии, последовавшей лишь 10 августа 1358 года и запрещающей на будущее время всякие насилия над деревнею, сеньоры считали себя в праве расправляться с крестьянами, как хотели, и никто не пытался оспаривать у них это право. Но даже и после амнистии дворяне продолжали преследовать крестьян, и правительство смотрело на эти безза-

кония сквозь пальцы, очевидно, лишь для соблюдения формы подвергая виновных самым незначительным наказаниям, в виде, например, церковного покаяния. Правительство думало не о том, чтобы дать оправиться несчастным крестьянам, а прежде всего о том, чтобы, пользуясь случаем, обложить деревню тяжелыми штрафами и таким образом выкачать из нее последние средства. Выплачивая эти штрафы, крестьяне вдобавок должны были нести обременительные военные налоги и все прежние повинности в пользу сеньоров. Неудивительно, что жители некоторых деревень, не будучи в состоянии вынести это тяжелое бремя, покидали свои родные места и массами эмигрировали за границу.

Мы видели, что Жакерия в сущности порождена была не сеньориальным режимом, как таковым, а тяжелою обстановкою войны и анархии, осложнившей этот режим и сделавшей невыносимым для крестьянства давление знати во всех его проявлениях. Она есть стихийное проявление накопившегося в деревне и долго сдерживаемого негодования против военного сословия. Быстро вспыхнувши, Жакерия так же быстро погасла, оставшись в памяти потомков, как символ кровавого выступления крестьянских масс против дворянства, почему и сделалась нарицательным названием для всяких подобных выступлений не только во Франции, но и в других странах Европы. Для крестьян-

ства она, при создавшейся комбинации общественных сил, ничего, кроме несчастий, дать не могла, и явилась лишь одним из тех многочисленных бедствий, которые испытывала Франция в эпоху столетней войны и которые все более и более разоряли деревню. Оправившись, было, при короле Карле V (бывшем дофине Карле), крестьянство в конце XIV и начале XV в. испытало еще более горькую участь. Страна снова очутилась в руках грубой солдатчины. Современники упоминают, например, об ужасном вязе, на котором висели трупы мужчин и беременных женщин, оставленные солдатами в одну зимнюю ночь на с'едение хищникам. И это далеко не исключительный случай. Целые области обезлюдели, поросли бурьяном, кустарником и мелким лесом, и там, где некогда красовались многолюдные поселения, сплошь и рядом ютились одни только дикие звери. „Англичане посеяли во Франции лес“, говорили французы, и эти немногие слова как нельзя лучше характеризовали бедственное положение Франции, которая „как будто бы проходила в руках демона-искусителя страшные круги Дантова ада“ (Мишле). И однако лес, посеянный во Франции англичанами, укоренился в ней ненадолго. Бедный и презираемый Жак Простак, выполняя свою давнишнюю мечту грудью стать за короля и отечество, сумел сплотить в единомышленном порыве все слои французского общества под руководством своего на-

родного вождя-девушки-крестьянки из Лотарингии. И если эта девушка умерла, замученная, как и ее многострадальные предки, то не умерло ее дело во Франции. Горячий патриотизм, связанный с именем мученицы, был тем нравственным знаменем, который водил французов к победам. Тяжелая година миновала, миновали ужасы политической жизни, и Франция быстро пошла по пути возрождения. Правда, еще при Людовике XI крестьянство местами было в чрезвычайно тяжелом положении. Однако острый хозяйственный кризис дал ему не одни только несчастья, но и некоторые преимущества. Крестьянством, в виду сравнительной его малочисленности, стали очень и очень дорожить, к его требованиям прислушивались более, чем когда бы то ни было. В результате число освобождений росло, серваж уничтожался все более и более, а параллельно разворачивалось общинное устройство в деревнях, крепло мирское самоуправление. Между прочим, крестьянским общинам в XV и следующих веках пришлось вести ожесточенную борьбу с сеньорами из за общинных угодий. Жажда извлечения из сельского хозяйства наибольших доходов, охватившая в XV—XVI вв. английских лэнд-лордов, не чужда была и французскому дворянству, которое пыталось захватом общинных земель и интенсивною их эксплуатацией на капиталистических началах поправить свое состояние, разоренное постоянными войнами. Однако

практика захвата общинных угодий далеко не получила здесь такого широкого распространения, как в Англии. Этому помешало, с одной стороны, слабое развитие скотоводства во Франции, с другой стороны, своеобразное социальное и политическое положение, занятое французским дворянством. Привлеченный ко двору уже в XVI в., владельческий класс, обнаруживший, было, стремление к занятию земледелием, мало по малу утратил эту склонность и вынужден был предоставить обработку земли крестьянскому сословию.

Восстание Уота Тайлера.

Восстание английских крестьян, известное под именем восстания Уота Тайлера, было таким же социальным движением, как и французская Жакерия, почему и может быть понято лишь на фоне социально-экономической истории Англии XIII—XIV вв., в связи с процессом освобождения крестьянства. Процесс этот связан с разложением мэнориальной (поместной) организации, судьба которой является наиболее ярким примером крушения старых натурально-хозяйственных отношений в деревне под влиянием вторжения в деревенскую жизнь денежного хозяйства. Английский мэнор (поместье), скристаллизировавшийся к XII веку, нередко совпадал с территорией целого селения и, кроме усадебной земли, охватывал собою компактную массу пахотных земель, лугов, лесов, пустошей. По феодальной теории, единственным собственником мэнориальной земли был лорд, которому и принадлежало право верховного распоряжения ею (*dominium eminens*). Но лорд непосредственно эксплуатировал лишь меньшую часть мэнора, большая часть которого отдавалась в пользование свободным и несвободным держателям — крестьянам.

Соответственно этому мэнор делился на две неравные части—господскую землю и землю, отданную крестьянам. Впрочем, господская земля обычно не стояла особняком от крестьянских участков, а наоборот, самым тесным образом переплеталась с этими последними. Да и самая усадьба лорда тесно примыкала к крестьянским усадьбам, составляя с ними единое селение. Мэнориальное хозяйство—это хозяйство общинное, причем лорд фактически сам выступал в качестве члена общины, главного дольщика в мэноре. Общинный характер мэнориального хозяйства выражался в своеобразной системе землевладения и землепользования. Пахотная земля, непосредственно примыкавшая к деревне, обычно делилась на три больших поля—одно под пшеницею или рожью, другое под овсом или ячменем, третье под паром. Каждое поле, в свою очередь, делилось на коны, каждый кон—на небольшие полосы, отделенные друг от друга кучками нераспаханного дерна. Участок каждого землевладельца и состоял из нескольких разбросанных полос в каждом из трех полей, что вело к принудительному севообороту и общему выпасу на паровом поле. Состоявшие при селении луга огораживались и делились на части лишь на время сенокоса, а после сенокоса снова разгораживались и запускались под общие выпасы. Наконец, постоянные выгоны и леса переделу не подлежали. Ими пользовались все жители деревни сообща, со-

ответственно величине запашки каждого. Участок земли, состоявший из нескольких полос в каждом из трех полей, плюс соответствующая доля прав на луга, леса и на пастбища, составляли целый крестьянский надел—так назыв. виргату. Как полные наделы, так и их подразделения—полунаделы, четверть наделы и т. п., будучи неоднобразны по величине и по составу, имели, однако, тенденцию быть равными в пределах одного и того же поместья и, как уже было сказано, одинаково могли эксплуатироваться и лордом и крестьянами. Словом, хозяйственную организацию мэнора в его целом, пожалуй, лучше всего охарактеризовать, как это делает проф. Виноградов, нашим русским термином „долевая община“.

Население мэнора можно подразделить на три разряда—рабы, свободные люди и крепостные вилланы. Мэнориальные рабы—это остаток когда то многочисленного класса рабов, с течением времени все более и более уменьшавшагося и уже в XIII в. исчезнувшего окончательно. Они не имели наделов, жили в барской усадьбе и отправляли сельско-хозяйственные работы под прямым начальством мэнориальных прикащиков. Лишенные покровительства закона и обычая, они не пользовались человеческими правами и являлись как бы простым инвентарем поместья. С развитием барщинного труда крепостного крестьянства, надобность в людях этого состояния все более и более уменьша-

лась, чем и объясняется их раннее исчезновение в мэноре.

Полная противоположность рабам — свободные держатели мэнора, количество которых было невелико по сравнению с крепостным населением Англии. Это так назыв. сокмэны и свободные люди. Первые были подчинены лорду лишь по суду, вторые платили за свои участки строго фиксированный оброк и были свободны от повинностей, которые, по феодальному праву, считались признаком несвободного состояния. В общем, различие между сокмэнами и свободными людьми было не существенно. Во всякое время они могли идти куда угодно, во всякое время они могли искать защиты в общих судах королевства и пользовались всеми гражданскими правами свободного населения Англии. Впрочем, свободный человек, попавший на вилланское крепостное держание, нес и вилланские повинности, и наоборот, виллан, попавший на свободное держание, нес повинности человека свободного. Как и на континенте Зап. Европы, повинности так срослись с землей, с держанием, с наделом, что стало совершенно безразлично, кто держал этот надел — виллан или человек лично свободный.

Подавляющая масса земельных держателей мэнора — крепостные вилланы. Английское вилланство — это тот же французский серваж (крепостное состояние), в котором черты древнего раб-

ства смешались с чертами личной свободы. По юридической доктрине XIII в., доктрине, строго проводимой практикой судов общего права, и вилланы и все их хозяйственные ресурсы — полная собственность лорда. Но как бы феодальный закон ни подчеркивал, что все, приобретаемое вилланом, приобретает только для лорда, и что лорд может взимать с него какие угодно поборы, на практике вилланы мирно владели своими землями, движимостью и деньгами, а количество и род их повинностей были фиксированы мэнориальным обычаем. Одни из этих повинностей вытекали из земельного держания виллана, другие — из его личного состояния. К разряду первых относятся незначительные денежные поборы и натуральные приношения курами, яйцами и зерном, еженедельная работа — барщина, экстренные помочи и добавочные повинности, в роде подводной; к разряду вторых следует отнести плату, вносимую вилланом лорду за разрешение выдать дочь замуж (меркет), право лорда на известную (очень незначительную) часть имущества умершего виллана (гериот), плату при вступлении виллана во владение отцовским наследством (релиеф) и т. п. При этом какие бы насилия и притеснения ни совершались в отдельных случаях, повседневная жизнь крестьянина протекала по спокойному руслу. По обычаю виллан мог покупать и продавать не только движимость, но и землю; он мог отда-

вать свой участок в обеспечение долга, сдавать его в аренду или завещать по наследству, наконец, он мог совсем от него отказаться и выкупиться на волю от лорда за деньги, которые теоретически принадлежали тому же лорду. Как в области повседневных гражданских право-отношений, так и в области преступлений и наказаний, дело решалось не единоличною волею лорда, а судебным порядком, причем функции судов общего права исполнял свой особый суд, особая мэнориальная курия, руководствовавшаяся строго определенными юридическими нормами и строго определенными процессуальными формами.

Таков двуликий, если можно так выразиться, характер английского крепостного права, результат компромисса между стремлениями привилегированного класса к полному господству, с одной стороны, и желанием трудящихся слоев населения добиться сносного существования, с другой. Как видим, непомерные притязания помещика мирно уживаются рядом с относительной самостоятельностью крестьянского люда. Эта самостоятельность крестьянства с еще большей отчетливостью выступает в области мэнориального управления. Как местная административная единица, мэнор действует не лично через помещика, а через посредство представителей общины—сельский сход и его выборных. Так действует мэнор, когда он приходит в соприкосновение с государством. Так же он

действует и тогда, когда разбирает вопросы внутреннего экономического распорядка и имеет дело с нуждами и проступками вилланов. Правила, регулирующие хозяйственную жизнь мэнора, определяются на том же сельском сходе, и сам лорд вынужден с ними сообразоваться. Выборный староста, будучи лицом ответственным перед лордом за исправное отбывание повинностей вилланами, скорее является представителем интересов этих последних. Назначаемый лордом прикащик специально заведует обработкой господской земли и к внутренней жизни вилланов имеет очень мало касательства. К этому следует прибавить, что функции прикащика очень часто отправляются тем же самым выборным старостой. Повидимому, гораздо большее давление оказывали на внутреннюю жизнь мэнора судебные функции лорда. Однако лорд и его заместитель — управляющий никогда не являлись единоличными судьями, а всегда действовали совместно с свободными и крепостными заседателями. Говоря другими словами, вотчинный суд — столь же коммунальный суд, как и суд сотни и графства.

Эта мэнориальная организация XII в., со всеми ее специфическими особенностями, уже в XIII ст. стала разлагаться под влиянием развития денежного хозяйства. Первая из коренных перемен, пробившая брешь в мэнориальном хозяйстве, это перевод натуральных крестьянских повинностей на деньги —

так наз. коммутация, вызванная коммерческими интересами лорда. Если ранее барское хозяйство преследовало цели потребительного характера, то с развитием денежного хозяйства, когда явилась широкая возможность сбывать излишки сельскохозяйственных продуктов на сторону, лорд начал стремиться построить это хозяйство на более рациональных началах, с целью извлечь из него максимум возможных доходов. Но этому прежде всего мешал рутинный способ обработки господской земли руками барщинников—крестьян, и лорд стремится заменить этот неуклюжий и медлительный способ ведения хозяйства более удобным и подвижным, более приспособленным к новым хозяйственным целям. Он требует взамен крестьянской барщины определенных денежных платежей, а на получаемые таким образом средства нанимает свободных рабочих из среды малоземельных и безземельных крестьян, трудом которых может распоряжаться по своему усмотрению, не стесненный косным помещичьим обычаем. Вместе с тем все более и более развивающаяся потребность в денежных средствах, между прочим, вызываемая постоянными военными расходами королей и дворянства, заставляла их переводить на деньги все вообще натуральные повинности вилланов, а не одну только барщину. В результате коммутация уже в XIII в. сделала большие успехи. „Можно указать целые округа, в которых все вилланы платят исключительно деньги

вместо натуральных повинностей; во многих из округов они отбывают натурой только незначительную часть своих служб; во многих местах вилланы дают, как общее правило, деньги, но сеньоры оставляют за собой право опять перейти к натуральной системе“ (Петрушевский). Наемный труд сельскохозяйственных рабочих все более и более начинает играть первенствующую роль в барском мэнориальном хозяйстве, и последнее решительно таким образом освобождается от хозяйственных услуг членов мэнориальной крестьянской общины. Естественно, что оно имеет тенденцию совершенно порвать ту органическую связь, которая соединяла ее с общинным крестьянским хозяйством. Так как господская земля была лишь долею в общих полях и угодьях, лорду поневоле приходилось сообразоваться с хозяйственным оборотом общины и держаться тех же рутинных и экстенсивных способов обработки земли, которые практиковались крестьянами. Само собой разумеется, что это не отвечало новым, предпринимательским интересам лорда, и он старался во что бы то ни стало индивидуализировать свое хозяйство, добиться освобождения от принудительного севооборота, обязанности оставлять свое паровое поле под общие выпасы и т. п. И вот уже в XIII—XIV вв. наблюдается захват лордами в полное их распоряжение сначала пахотной барской земли, а потом и общинных угодий, захват, выражающийся

в уничтожении так наз. „системы открытых полей“ и в обведении выделенных для лорда участков изгородами или канавами. Захват сопровождается ожесточенною борьбою лорда с общиною, а так как в этой борьбе принимают горячее участие свободные держатели мэнора, пользующиеся покровительством общих законов Англии, то в дело вмешивается судебная власть, и даже парламентское законодательство. Все же в конце концов победа решительно склоняется на сторону лордов, выступающих под флагом феодальных собственников всей мэнориальной земли, и старые хозяйственные порядки мэнора разлагаются. Вместо единого хозяйства долевого общины выступает ряд отдельных, несвязанных друг с другом хозяйств, преследующих самостоятельные, и притом далеко не всегда потребительные цели; вместо вечно наследственной натурально-хозяйственной аренды (держания) все чаще и чаще начинает фигурировать аренда краткосрочная и денежная, сначала на обособившемся барском хозяйстве, а потом и на крестьянских участках. Захваченные жадной наживы, крестьяне сами сплошь и рядом следуют примеру лорда, и вместо того, чтобы попрежнему обрабатывать свои участки самим, предпочитают быть в положении посредников, сдающих эти участки арендаторам. Сплошь и рядом крестьянские участки дробятся и продаются самими же крестьянами, и земля становится все более и более подвижным товаром, под-

чиняющимся условиям спроса и предложения. В результате всех этих явлений уже в XIV в. старый мэнориальный строй переродился до неузнаваемости и с экономической своей стороны, и с социальной. Вместо феодального сеньора-собственника выступил помещик—предприниматель, живший уже не натуральными приношениями и повинностями крестьян, а денежными доходами своего обособленного барского хозяйства. Вместо более или менее однородной в имущественном отношении массы вилланов появились новые социальные группы — зажиточные оброчники-чиншевики, фактически собственники своей земли, малоземельные крестьяне, безземельные батраки, срочные арендаторы.

Таковы были распри английской деревни, когда их до основания потрясла Черная Смерть, ужаснейшая из всех эпидемий, которые когда либо видело человечество. В 1347 году, рассказывает Авиньонский летописец, в месяце сентябре началась в Европе некая ужасная смертность и зараза. Родина ее—страна Великого Могола. В одной из провинций цветущей Индии внезапно приключились некие ужасы и смерчи, которые непрерывно продолжались в течение трех суток. В первый день шел дождь из лягушек, змей, скорпионов, ящериц и других ядовитых пресмыкающихся. Во второй день разразились громы небесные и начали падать на землю страшные молнии, огни и удивительной

величины град, перебивший почти всех людей, от большого до малого. На третий день с неба сошел смрадный дым и всепожирающее пламя, истребившее остальных людей и животных и испепелившее города и укрепленные замки. Вся страна была заражена смрадом от разложившихся трупов. Порывы ветра перекинули заразу в приморскую область и на мимо проходившие суда. „В лето от рождества господа 1348, в январе месяце были прибиты сильными порывами ветра к Генуэзской гавани три торговых галеры с ужасною заразою. Когда узнали об этом генуэзцы и когда многие люди внезапно заболели неизлечимой болезнью, изгнаны были эти галеры из гавани огненными стрелами, так как никто не осмеливался их касаться и заключать с прибывшими торговые сделки, не подвергаясь опасности неминуемой смерти. И так кочевали эти галеры из гавани в гавань, пока одна из них не прибыла в гавань Марсели. И здесь заражались люди заразою и умирали неминуемой смертью. Изгнанная марсельцами, эта галера соединилась с двумя прочими, блуждавшими по морю, и пошла по направлению к Испании, для продажи товаров. И эти галеры по всему пути своему посеяли заразу, особенно в Италии, Турции и Марсели“.

В этом фантастическом рассказе верно подмечены два обстоятельства—начало чумы на Востоке и распространение ее посредством торговых сно-

шений. Сопоставление западно-европейских и древне-русских источников делает вероятным предположение, что черная смерть впервые появилась на Кавказе около 1345 года. „Того же лета, читаем мы в Воскресенской летописи, казни бысть от бога на люди под восточною странюю... на бесермены и на татары, и на ормены, и на обезы, и на жиды, и на фрязы, и на черкесы, и на всех там живущих, яко не бе кому их погребити“. С Кавказа и низовьев Волги чума перекинулась в Крым, прошла в Византию, Египет и Малую Азию. Отсюда итальянские купцы перевезли ее на Аппенинский полуостров, Францию и Испанию. Добравшись до Англии, „Ангел Смерти полетел от заката к восходу“. Он посетил Скандинавские страны, Голландию, Германию, Австрию, пробрался и в Россию—Псков, Новгород, Ростов, Тверь, Москву и „во вся власти Московские“. Словом, Ангел Смерти захватил почти весь известный в то время мир, всюду сея ужасную смертность. „В стенах города Флоренции, говорит Боккачио в прологе к своему Декамерону, умерло, как полагают,... не менее 100 тысяч человек, тогда как до этой смертности, вероятно, и не предполагали, что в городе было столько народу“. „Сколько крепких мужчин, восклицает он далее, красивых женщин, прекрасных юношей... утром обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете!“ „Дело дошло до

того, что об умерших людях думали столько же, сколько об околевшей козе“... „Дивным покажется, что я говорю, и если бы не видели многие, и я своими глазами, я не решился бы тому поверить, не то что написать, хотя бы и слышал об этом от надежного человека“. „В это время, говорит французский хроникер Фруассар, прошла ужасная болезнь по всему свету; полагают, что от нее умерло более третьей части всего населения“. „В общем, пишет уже известный нам Авиньонский летописец, в течение трех месяцев в Авиньоне похоронено до 62 тысяч трупов. Папа... дал полное отпущение грехов всем жителям города“. „О, печаль, восклицает в 1349 г. немецкий летописец, обошедши теплые страны, чума достигла и нашего холодного климата; множество людей обоего пола гибнет от нее ныне в Пруссии и Померании“... „И чтобы написанное не исчезло вместе с писавшим и не погиб труд вместе с трудившимся, я оставляю пергамент для продолжения его на случай, если бы кто из племени Адама избежал этого мора и стал продолжать труд, который я начал“— так писал в 1349 году монах одного ирландского монастыря, и эти простые слова сильнее всяких горьких плачей выражают настроение, охватившее европейское общество под дыханием смерти. Ангел Смерти косил людей сотнями тысяч. Никому не было пощады от его гнева. Болезнь проявлялась в зловонных нарывах под мышками и в области

пахы, в легочных заболеваниях, сопровождавшихся кровохарканьем, в страшной лихорадке и жаре, и обычно оканчивалась скорою смертью. Она отличалась чрезвычайно заразительностью. Боккачио уверяет, что он видел собственными глазами, как свиньи, теребившие тряпки, выброшенные из дома умершего, тут же на месте издохли. Испорченный воздух еще более заражался от разлагавшихся трупов, которые лежали не похороненными на дорогах и улицах. Панический ужас охватил население Европы под влиянием неслыханного бедствия. Жители покидали свои дома, убегали в поля и леса, но и здесь их настигала зараза. Все усилия тогдашней медицины хоть чем нибудь помочь бедствию не имели никакого успеха. „Врачи, пишет Боккачио, ничего не понимали в болезни, и всего изумительнее, сами в этом откровенно признавались“. Оставалось полагаться на божие милосердие. И вот из города в город, из селения в селение потянулись многочисленные религиозные процессии кающихся. С пением священных гимнов, с воплями и рыданиями население просило у бога прощения грехов и помощи против свирепой заразы. Однако и эта мера оказалась бессильною. Зараза только распространялась благодаря частым скоплениям массы. Унылый перезвон колоколов, груды разлагавшихся тел и истерические выкрикивания людей, похожих на тени,—все это страшно било по взвинченным нервам и заставляло ожидать неминуемой

гибели всего существующего. В такой обстановке изнервничавшийся средневековый человек придумывает новые, более радикальные средства заслужить божественное милосердие. В его мрачной душе, скованной ужасом ожидания близкой кончины мира, зарождаются самые дикие и нелепые планы. Начинаются отвратительные подвиги полусумасшедших фанатиков—самобичующихся, сопровождаемые явлениями массовой истерии; происходят погромы евреев, которых народная молва обвиняет в отравлении колодезев и таким образом видит в них виновников эпидемии.

В 1349 году Черная Смерть внезапно прекратилась. Исчезли и банды самобичующихся. Печальную картину представляла из себя Западная Европа, пораженная неслыханным бедствием. По свидетельству летописцев, смерть унесла с собою около половины всего населения. Когда то цветущие города и селения теперь оставались без жителей. Пашни и виноградники оставались не обработанными. Стада массами бродили по пастбищам, не зная хозяина. Пользуясь общей растерянностью и смятением, воры и разбойники безнаказанно расхищали оставшееся без призора имущество. Словом, на каждом шагу чувствовалось только что пронесшееся дыхание смерти. Казалось, род человеческий никогда не будет в состоянии залечить свои раны. Однако тут же, в гнили разложения уже начинала пробиваться новая жизнь—веселая, ли-

кующая, непокорная. Стоит только припомнить, что Ангел Смерти породил Декамерона Боккачио. Дикие вопли самобичующихся отошли в область преданий, как кошмарное сновидение. Их сменила звонкая песня трубадура и миннезингера и остроумная шутка бесшабашного бродяги - жонглера. Трудно вообразить себе тот бешеный восторг, каким было встречено прекращение эпидемии. От глубокого отчаяния впечатлительный средневековый человек переходит к необузданной радости. Французский поэт Мишо, сидевший взаперти во все время эпидемии и приговоривший себя было к смерти, теперь при звоне цимбалов садится на своего борзого коня и мчится по широкому полю „в погоне за дикою птицею и красными девушками“. „Род человеческий, горько жалуется суровый летописец, нисколько не улучшился. Можно сказать даже, что он стал развратнее прежнего. Оставшиеся в живых ищут одного наслаждения. Никто не хочет себе в чем-либо отказывать. Все пиршествуют, никто не работает“. Словом, все предписания старой морали идут на смарку. И то, перед чем до эпидемии с ужасом отшатнулись бы почтенные люди, теперь становится самым заурядным явлением. Начинаются поголовные вакханалии, веселье, ликование, обжорство и пьянство. Появляются нескромные одежды с широкими рукавами, выставяющие на показ обнаженное тело. Увеличивается число нищих, попрошайников, игроков

в кости, уличных бродяг и развратников. Идеалы Боккачио находят себе широкое применение во всех слоях общества, расшатывая веками освященные традиции, казавшиеся до тех пор нерушимыми.

Та же анархия замечается и в области отношений экономических. „Изумительное дело, говорит летописец, при изобилии во всех благах, все сделалось в два раза дороже: и орудия, и припасы, и рабочие, и земледельцы“. Жалобы на вздорожание всего, „в чем люди могут нуждаться“, и на повышение заработной платы рабочих красною нитью проходят через все показания современников. Причина экономического кризиса для нас очевидна. Вздорожание продуктов первой необходимости было вызвано запустением полей и упадком промышленности, а рабочие руки сделались дороги вследствие уменьшения их количества. Спрос был велик, а предложение ничтожно. Вот почему стоимость продуктов и заработная плата возросли обратно-пропорционально уменьшению их количества. Вот почему трудящиеся массы не хотели жить по старине и довольствоваться прежнею платою. Каждый стремился распорядиться своим трудом свободно, не стесняясь установившимися традициями. Явление новое, до тех пор неизвестное средневековому обществу. И то, что понятно для нас, не было ясно для современников. Оправившись от потрясения и испуга, правящие классы никак не могли примириться с „злонамеренностью“ производителей,

которые, по их мнению, бессовестно грабили население. Экономический кризис они пытаются преградить грубыми и суровыми мерами насилия. Годы, следующие за черною смертью,—это эпоха рабочего законодательства во всех странах Западной Европы, цель которого—вернуть цены на продукты и заработную плату рабочих к тому уровню, на котором они стояли ранее, при нормальных условиях жизни. Особенно изобретательным и жестоким было это законодательство в Англии, так как едва ли какая либо страна переживала после чумы такой острый сельско-хозяйственный кризис, как Англия, в виду широкого развития в это время денежного хозяйства в деревне. Мы уже видели, что барское хозяйство основано было перед Черною Смертью главным образом на труде вольнонаемных рабочих, а не на барщине. При таких условиях дворянство было поставлено в чрезвычайно затруднительное положение. Масса выморочных вилланских участков перешла к лорду, а между тем он не знал, что ему делать и с прежним хозяйством, так как для найма вздорожавших рабочих рук средств не хватало. Неудивительно поэтому, что многие земли лежали необработанными, и даже созревший хлеб сплошь и рядом гнил на корню, так как убирать его было некому. К этому нужно добавить, что и оставшиеся в мэноре держатели выговаривали себе всевозможные льготы, угрожая в противном случае покинуть поместье и

перейти на вольную и беззаботную жизнь батраков, которые стали „хитрее и коварнее обыкновенного“, так как требовали высокую заработную плату. Вот на этих то „коварных“ рабочих, главным образом, и обрушивается королевский ордоннанс 1349 г., повелевающий, „чтобы каждый мужчина и каждая женщина королевства нашего Англии, какого бы состояния они ни были, свободного или крепостного, здоровые и не старше шестидесяти лет, кто не живет торговлей и не занимается каким нибудь ремеслом, не имеет собственных средств к жизни или собственной земли, возделыванием которой он был бы занят, и не находится на службе у другого, если его или ее позовут служить соответственно их состоянию, обязаны были поступать на службу к тому, кто их зовет, и притом за такую плату деньгами и натурой, какую обыкновенно давали в местностях, где они обязаны служить, в год царствования нашего в Англии двадцатый или за последние пять или шесть лет“. За отказ от найма на работу орданнанс грозит тюремным заключением. Тюрьма полагается и за уход до окончания срока найма от нанимателя, а также и за наем таких невыполнивших своих обязательств рабочих. Все заключенные до сих пор договоры с рабочими в случае, если их условия не согласуются с ордоннансом, объявляются недействительными. Как и следовало ожидать, все эти карательные и предупредительные меры, которые

правительство Англии считало совершенно достаточным для разрешения сложного социального вопроса, на практике оказались негодными, и распоряжения ордоннанса оставались мертвою буквою, хотя их и старались всячески провести в жизнь судебные и полицейские власти. „Хотя ордоннанс, жалуется в 1350 г. король Эдуард III, был оповещен во всеобщее сведение, и всем крепко накрепко было приказано исполнять его, тем не менее рабочие, ремесленники, слуги и продавцы с'естных припасов ежедневно продавали и продают свой труд, ремесло, службу и с'естные припасы дороже, чем перед этим ордоннансом, ни во что не ставя ни нас, ни нашего ордоннанса, нанося ущерб нашему народу и явно его утесняя“. В 1351 г., согласно петиции парламента, подтверждавшей полное игнорирование рабочим людом правительственных распоряжений, был издан „статут о рабочих“, грозивший злонамеренным ослушникам воли правительства новыми, более тяжелыми наказаниями. Однако ни этот, ни последовавший в 1361 году новый статут, который предписывал объявлять виновных вне закона и клеймить их раскаленным железом, ни билль о рабочих 1376 года, который подтверждает все эти распоряжения, не выполнялись. Перспектива тюрьмы, колодок и даже клеймения раскаленным железом не страшила рабочих, и они по прежнему без стеснения бросали своих хозяев, лишь только представлялся случай

получить более высокое жалованье. „Никогда не сидят они на одном месте, а некоторые из них становятся грабителями“. Интересна характеристика английских сельско-хозяйственных рабочих того времени, данная проникнутым дворянскими настроениями современным писателем Гауэром (в поэме „Vox clamantis“). Сам бог приказал пахарям работать в поте лица и доставлять средства к нашему пропитанию, говорит автор. Пока они исполняли эту задачу, поля давали обильную жатву. Теперь этого нет, так как „колон“ ищет не труда, а праздной и порочной жизни. Пахарей стало мало, и работают они плохо; к тому же отличаются жадностью и просят все большего и большего вознаграждения. „Таков теперь обычай: один мужик требует больше, чем в прежнее время два; а между тем от одного было больше пользы, чем теперь от троих... Подобно тому, как лисица, оставив одну нору, рыщет по шумящим лесам в поисках за другой..., так теперь и мужик, противясь закону, взял в привычку уходить из одного графства в другое“. Хочется ему праздности магната, а сам не думает, чем будет кормиться, при такой лени. „Как бы он не гнул спину, вечно у него на уме одно худое“. „Ни у кого не желают служить они (рабочие) в течение целого года; редко кому удастся удержать их у себя даже и в течение месяца... Сегодня они здесь, завтра там, сегодня у меня, завтра у тебя. Из тысячи едва ли найдется один, который захочет

остаться верным условиям договора. Это такой народ, что, если ты нанимаешь когонибудь из них со столом, и он поселяется у тебя в доме, он немедленно начинает привередничать и в еде и в питье. Всякая обыкновенная пища ему не нравится: солонина ему только вредна, вареное мясо ему не по вкусу. Непременно подавай ему жареного, а то тотчас начинает ворчать. Слабое пиво его не удовлетворяет; если на завтра не приготовить лучшего, он к тебе больше и не покажется. И отчего это требует сладкого питья тот, кто от рождения своего ничего, кроме простой воды, не пил? Сын бедняка и сам бедняк, он заботится о своем желудке, как какойнибудь сеньор. Изданные против него законы вовсе не приносят пользы: для таких людей не существует никаких правил, и ничего не поделаешь с этим злом. Народ этот зверь безрассудный. Человека он не любит, а в бога не верит. Если не будут против него приняты справедливые и суровые меры, сеньоры скоро совсем разорятся“. Достается сельско-хозяйственным рабочим и от другого современного писателя, проникнутого симпатией к воспеваемому им крестьянину—„Петру-Пахарю“. „Не угодишь им ни пивом в пенни, ни куском ветчины; непременно подавай им свежее мясо или рыбу, изжаренную или испеченную, да еще погорячей, чтобы не простудить желудка... Они злобствуют на бога, ропшут на разум и проклинают короля со всем его советом за

то, что их заставляют исполнять законы, притесняющие рабочих“.

Повидимому, ничего, кроме озлобления против правительства, рабочее законодательство и не принесло Англии, тем более, что наниматели сами часто тяготились этим законодательством и старались обходить его всевозможными способами. И оно сыграло, надо думать, немалую роль в подготовке восстания 1381 г., так как посеяло в гуще сельского пролетариата острую ненависть к правящим классам, стремившимся лишить рабочий люд элементарного права на свободное распоряжение своим трудом и жестокими мерами принуждения повергнуть его в неслыханное рабство. Пассивное сопротивление, оказываемое беззащитными сельско-хозяйственными рабочими, при удобном случае легко могло вылиться в активное выступление их против правительства, дворянства и духовенства.

Не один только сельский пролетариат имел основания быть недовольным своим положением. Английский крестьянин, то есть мелкий самостоятельный сельский хозяин, возделывавший землю собственным трудом, тоже очень остро почувствовал кризис, вызванный черною смертью. Мы уже знаем, что временно его положение как будто даже улучшилось: сеньор шел на всевозможные уступки „Петру—Пахарю“, только бы удержать его в своем поместье. Одновременно сеньоры широко практико-

вали раздачу мэнориальной земли в краткосрочную аренду, с надением арендаторов живым и мертвым инвентарем, стремясь таким образом воспрепятствовать запустению и разорению своих поместий. С течением времени, однако, сеньоры в своей нужде сделались более изобретательными и местами стали применять совершенно другую политику в деревне. Так как им прежде всего нужен был сельско-хозяйственный труд, они чрезвычайно ревниво стали следить за отбыванием барщины там, где она не была еще выкуплена за деньги. Даже и там, где крестьянские натуральные повинности давно уже были выкуплены, и крестьянин привык распоряжаться своим трудом совершенно свободно, лорды нередко требовали отбывания этих повинностей по старине, т.е. натурою. Ведь коммутация была частною сделкою лорда с крестьянином, такую сделкою, которая стояла вне ведения общего права. Вот почему лорд всегда мог отказаться от этой сделки и требовать при помощи общегосударственного суда осуществления своих прав, которые всегда мог подкрепить соответствующими документами своих мэнориальных архивов, доказывавшими несвободу крестьянина. Поставленное в затруднительное положение кризисом, дворянство вообще не прочь было не только припомнить, но и полностью провести в жизнь свои неограниченные права над личностью и имуществом вилланов, ранее оставав-

шиеся в области чистой теории. Между прочим, мы имеем свидетельство о том, что помещики возвращали своих когда то выкупившихся и ушедших из мэнора вилланов обратно, насильно навязывая им выморочные участки и заставляя нести за это натуральные службы. Нам не трудно представить себе чувства горечи и озлобления этих вилланов, в особенности если они успели обзавестись хозяйством на стороне и достигнуть известного материального достатка. Всего приходилось лишаться и итти в рабство к прежнему господину. Словом, фактически свободные крестьяне теперь как нельзя более почувствовали на себе тяжелую руку своих господ, которые, стремясь восстановить прежний натурально-хозяйственный строй мэнора, сплошь и рядом хотели сделать их настоящими бесправными крепостными, прибегая к услугам мало понятного для широких народных масс судебного крючкотворства. Если мы к этому прибавим, что лорд пользовался всяким удобным случаем, чтобы наложить на крестьянина штраф за малейшее нарушение своих прав, как помещика и сеньора, для нас будет понятно, насколько во многих случаях ухудшилось и правовое и материальное положение „Петра—Пахаря“ вследствие наступившей местами после Черной Смерти феодальной реакции. Этот едва сводящий концы с концами „Петр—Пахарь“, не употреблявший в пищу ни циплят, ни гусей, ни свинины и до уборки урожая довольствовавшийся

зеленым сыром, простоквашею, овсяным пирогом, хлебом из солода и бобов, этот вечный труженик, общий кормилец и исправный плательщик оброков и налогов стал жертвою своекорыстия знати, которую он до глубины души возненавидел. Неудивительно, что это кипящее чувство ненависти, местами прорывавшееся еще до восстания, опять таки ждало лишь удобного случая, чтобы вылиться в общий страстный протест против крепостного права и его виновников—помещиков светских и духовных, судей, адвокатов. Так различные слои английской деревни были подготовлены к событиям 1381 года.

Ближайшая причина восстания лежала, однако, не столько в социальных, сколько в политических условиях жизни английского королевства. Затяжная война с Францией, когда то давшая Англии ряд легких и блестящих успехов, теперь, при Карле V французском и его воинственном полководце Дюгеклене, сопровождалась тяжелыми неудачами для английского королевства. Это было время давно невиданных Англией позора и бедствий. Ее завоевания на континенте почти полностью были утрачены, ее берега опустошены, флот истреблен, торговля подорвана. Приходилось выкачивать все новые и новые средства из населения, благосостояние которого и без того уже было подорвано хозяйственным кризисом. В ноябре 1380 г. парламент разрешил правительству взима-

ние поголовного налога, которому подлежали все жители Англии, достигшие пятнадцатилетнего возраста. В противоположность практике предыдущих лет, налог этот, предназначенный на содержание войска во Франции, всю свою тяжесть падал на самые несостоятельные элементы английского общества, между прочим, и на пролетариат, причем равнялся крупной сумме—шиллингу с человека. Естественно, что налог возбудил против себя большой ропот, и население всячески старалось уклониться от его уплаты. В результате оказались большие недоборы; и в марте следующего года по отдельным графствам были разосланы особые королевские комиссии, чтобы обнаружить и взыскать недоимку. Комиссары действовали с большим рвением и жестокостью, „учиня многие притеснения и обиды народу“ и не щадя даже девичьей чести. Население волновалось все более и более, и в последних числах мая в Эссексе дело дошло до открытого сопротивления сборщикам, вынужденным искать спасения в бегстве. Присланная на место беспорядков судебная комиссия при помощи присяжных установила имена лиц, участвовавших в беспорядках, и хотела подвергнуть их аресту. В ответ на это толпа перебила попавших ей в руки присяжных и членов комиссии. Последним сняли головы и понесли их на кольях.

В это время впервые было произнесено слово „королевский изменник“, и оно перелетало из уст

в уста, чтобы сделаться лозунгом, а вместе с тем санкцией движения, превращавшей его из бунта против установленных властей в дело высшей справедливости, в призыв к ответу неверных слуг обманутого монарха. Возникнувшая идея об измене получила широкое истолкование и развитие: изменники—не только мировые судьи, содействовавшие сбору налога; в измене повинны все королевские чиновники, представители администрации и суда, именем короля теснившие народ, а также частные лица, которым правительство по временам давало те или иные поручения, именно, члены следственных комиссий и обвинительные присяжные. Следует жестокая расправа со всеми этими судьями, шерифами, коронерами и т. п., разгром их домов и сожжение всяких официальных документов, в первую очередь податных списков. Народ охотно поднимается против тех, от кого ему постоянно приходилось терпеть всяческие обиды и притеснения.

Восстание быстро охватило все графство, причем одни примкнули к нему добровольно, другие—под угрозой смерти, сожжения домов и расхищения имущества. Скоро восставших собралось до 50 тысяч человек. „У одних были только палки, у других—покрытые ржавчиной мечи, у некоторых—бердыши, а у иных луки, ставшие от дыма желтые слоновой кости, и по одной стреле, в большинстве случаев с одним только пером“. Вспых-

нувши, как протест против насилий королевских чиновников и финансового гнета, движение тотчас же получило социальную окраску и вылилось в стихийный протест против помещиков и крепостного права. Пестро вооруженная толпа громила помещичьи усадьбы, вводила скот, расхищала имущество, и с особенным ожесточением жгла мэнориальные архивы—хранилища протоколов поместных судов, описей крестьянских повинностей и других показателей несвободы крестьянства. Разославши делегатов в соседние графства—Кент, Сэффольк и Норфольк, с приглашением жителей восстать вместе с ними, чтобы соединенными силами добыть свободу и „изменить худые обычаи королевства“, эссексы буйною и все более возрастающею толпою двинулись к Лондону, обозначая свой путь огнем пожаров, погромами и убийствами.

Тем временем пламя восстания вспыхивало повсюду в Кенте, объединяясь постепенно кругом города Дартфорда, как общего центра. Сбравшись здесь, восставшие постановили, что никто из живущих в 12 милях от морского берега не должен двигаться с места, чтобы не оставить побережье без защиты от неприятелей. Вместе с тем они подчеркнули свою верность королю, заявивши, что никого другого, кроме короля Ричарда, признавать не желают. Первые дни, следовавшие за собранием в Дартфорде, ознаменовались, как и в Эссексе, скорее актами частного насилия, нежели

выполнением какой-либо заранее обдуманной программы. Толпы поселян, вооруженных луками, мечами и дрекольями, обходят соседние селения, принуждают жителей примкнуть к ним под страхом смерти, жгут по пути помещичьи усадьбы, арестуют или убивают попадающихся им в руки представителей знати, разбивают тюрьмы и, освободивши заключенных, силою принуждают их следовать за собою. Каждый раз, когда в захваченном замке или усадьбе оказываются какие-либо письменные документы—королевские или частные,—толпа сжигает их публично на сельской площади. Через Дартфорд и Рочестер тысячи кентцев, во главе которых стал Уот Тайлер—кровельщик из Эссекса, направились в Кентербери, надеясь завербовать в свои ряды многочисленных паломников, шедших на поклонение мощам почитаемого в народе архиепископа Кентерберийского—Фомы Бекета. Летописец передает любопытные подробности о том, как предводители крестьянских отрядов задерживали и не ранее отпускали на свободу попадавшихся по пути пилигримов, как взявши с них клятву верности королю Ричарду и общинам Англии. Задержанные также должны были приносить клятву верности в том, что при первом призыве они станут под знамя восстания и будут сопротивляться силой всякой измене, что они склонят к тому же своих односельчан и что впредь не согласятся платить других налогов, кроме

пятнадцатой части дохода, следуя в этом примере предков, не знавших иных форм обложения.

10 июня Уот Тайлер привел главную массу кентцев, в количестве четырех тысяч человек, в Кентербери. Здесь, опираясь на поддержку городской бедноты, восставшие захватили королевский замок, выпустили из тюрьмы заключенных, заставили шерифа графства поклясться в верности королю Ричарду и общинам Англии, потребовали у него выдачи всех документов и торжественно сожгли их на городской площади. Некоторые дома зажиточных граждан были разграблены, некоторые горожане убиты. Ворвавшись во дворец архиепископа, восставшие разбили бочки в погребах и отчасти выпили, отчасти разлили на пол вино, разграбили обстановку и имущество во дворце и в поместьях, разломали изгородь, которою обнесен был парк, устроили охоту за дичью и почти всю ее истребили. На другой день (11 июня) кентцы вышли из города и направились к Лондону, разгромивши по пути тюрьму в Мэдстоне и выпустивши в числе других заключенных любимого народного проповедника—Джона Болла.

Мы видим, что уже очень скоро после начала восстания определилась и в Эссексе и в Кенте тяга восставших на Лондон. Это дало общее направление и общую цель многотысячным и разрозненным отрядам восставших и связало их стихийные выступления в единое и мощное дви-

жение. Почин в данном случае шел из столицы. По словам Фруассара, „злые люди в Лондоне... дали знать людям в вышеупомянутых графствах, чтобы те смело шли в Лондон и приводили своих: они де найдут Лондон не на запоре, а горожан на своей стороне, и так повлияют на короля, что в Англии не будет более сервов“. Мы знаем из других данных, что лондонцы послали к восставшим в Эссексе своих делегатов, которые руководили их действиями и усиленно торопили с походом на столицу. В данном случае как нельзя лучше сказались единство интересов крестьянства и беднейших слоев городского населения, „мелкого люда“,— как называет его Фруассар, не менее деревни терпевшего от общего хозяйственного кризиса королевства, жестокого рабочего законодательства и тяжелого финансового гнета правительства. Этот мелкий люд с нетерпением ожидал в столицу восставших крестьян, чтобы общими силами добиваться лучшего положения. Впрочем, мы увидим, что не только пролетариат, но и многие из зажиточных горожан были в сношениях с восставшими и помогали осуществлению их планов. Это объясняется глубоким недовольством различных слоев английского общества политикою правительства и некоторыми правительственными мероприятиями в области промышленности и торговли, между прочим, покровительством иностранным купцам, ремесленникам и банкирам.

Вместе с общою целью движения—походом на Лондон выработалась и его идеология. Творцами этой идеологии были „бедные священники“, последователи Виклефа, стоявшие на почве евангельского учения о свободе, равенстве и братстве всех людей, как происходящих от одного общего отца и одной матери. Эти „бедные священники“, жившие общими интересами с широкими народными массами и глубоко чувствовавшие народные горести и печали, улавливали и отливали в определенные формы смутные народные чаяния и неясно мелькавшие идеалы. Одним из таких народных печальников и был „сумасшедший священник“ Джон Болл, освобожденный, как мы видели, восставшими кентцами из тюрьмы в Мэдстоне. Этот Джон Болл, переходя из прихода в приход, из графства в графство, уже давно проповедывал в церквях, на погостах, на рынках и в других людных местах „многообразные заблуждения и соблазны на погибель и своей душе и душам своих покровителей, а также к явному соблазну всей церкви“, и за это неоднократно сидел в тюрьме и подвергался церковным отлучениям. „Означенный Джон Болл, читаем мы у Фруассара, по воскресеньям, когда народ выходил из церкви, обыкновенно шел на погост, собирал вокруг себя народ и проповедывал следующее: „Добрые люди, дела в Англии не могут итти хорошо до тех пор, пока имущество не делается общим, и не будет ни вилла-

нов, ни благородных, и пока все мы не будем равны. Почему те, которых мы зовем сеньорами, являются больше господами, чем мы? За какую это заслугу? Почему они держат нас в рабстве? Мы все происходим от одного отца и от одной матери, от Адама и Евы. Почему они говорят, что они больше нас господа, и чем они могут доказать это? Разве тем, что заставляют нас работать и добывать то, что они расточают? Они одеты в бархат и шелк, подбитые горностаем и белкой, а мы носим простое сукно. У них вино, пряности и хороший хлеб, а у нас рожь, обсевки, мякина, и пьем мы воду. Им—досуг, красивые замки, а нам—тягота и труд, дождь и ветер в чистом поле, и вот, от нас и наших трудов пошло им такое положение. Нас зовут крепостными, нас бьют, если мы тут же не исполняем приказания, и нет у нас заступника, чтобы пожаловаться ему и чтобы он, вняв нам, дал нам управу. Пойдем к королю, он молод, укажем ему наше рабство и скажем, чего мы хотим... Если мы пойдем туда действительно все вместе, то всякого рода люди, прозываемые сервами и находящиеся в крепостной зависимости, последуют за нами, чтобы добиться свободы. И когда король нас увидит или о нас услышит, то, по хорошему или иначе как, он уладит все дело“.

Освобожденный восставшими кентцами, Джон Болл сделался одним из самых деятельных их вождей и в новых страстных проповедях призы-

вал меч и огонь на головы нечестивых. Когда кентцы, в количестве десятков тысяч человек, собрались 12 июня на возвышенном месте равнины Блэкизс, в четырех милях от Лондона, Джон Болл произнес перед ними горячую проповедь на популярную в народе и излюбленную им тему: „Когда Адам пахал землю, а Ева прядла, кто был дворянином?“ В начале, говорил Болл, все люди были равны: такими они вышли из рук природы. Впоследствии нечестивые люди стали угнетать своих ближних, и появилось рабство, противное божией воле. Если бы богу угодно было создать рабов, он бы еще в начале мира определил, кому быть рабом, а кому господином. Настал назначенный богом час сбросить иго долговременного рабства и получить давно желанную свободу. Болл убеждал своих слушателей действовать мудро, уподобляясь доброму хозяину, вырывающему плевелы на ниве своей, чтобы они не заглушали пшеницы. Прежде всего надо перебить всех магнатов королевства, потом истребить законовевов, судей и присяжных и в заключение стереть с лица земли всех тех, кто может принести вред общинам. Когда у всех будет одинаковая свобода, одинаковая знатность и одинаковая власть, тогда только все будут наслаждаться миром и безопасностью. Речь эта чрезвычайно понравилась слушателям, которые кричали, что Болл один достоин быть архиепископом и должен сменить теперешнего примаса Англии,

которого нужно обезглавить за измену общинам и королевству. В качестве уже не „бедного священника“, а вождя восставших „общин“, Болл рассылал зажигательные и образные прокламации, призывая всех ополчиться за правое дело. „Джон Болл приветствует вас всех, говорится в одной прокламации, и дает вам знать, что он уже ударил в ваш колокол. Теперь право и сила, воля и ум. Боже, поторопи всех ленивцев, ибо пришло уже время“. В этих призывах проповедника и вождя народ видел высшую санкцию своего предприятия и, охваченный религиозным фанатизмом, полагал, что, разгромляя дворцы, сжигая монастыри, предавая казни „изменников“, он ополчается с огнем и мечем на защиту попранной нечестивыми божией правды.

Восставшие подвигались к Лондону по обеим берегам Темзы, с юго-востока шли кентцы, с северо-востока—эссекцы. И в то время, когда первые стояли на Блэкизсе, последние разбили свой лагерь в пригородном обширном поле для гулянья, носившем название Майльэнд. Нашедши ворота города на запоре, а мост через Темзу загороженным, по распоряжению лорда-мэра, железною цепью, эссекские ополчения в самый день своего прибытия предприняли поход на архиепископское поместье в Ламбесе, где уничтожили огнем книги, планы, одеяния и другое имущество. Вино было выпито, кухонная посуда перебита. Сам архиепископ убежал

в Лондон. Приход эссекских и кентских дружин всколыхнул население Сэрре и Мидльсекса, и теперь вся юго-восточная часть Англии была охвачена восстанием, всюду направленным к отмене крепостного права и всех вообще зависимых форм земельного держания. Движение было настолько заразительным, что даже отряды, посылаемые против восставших, переходили на их сторону. Из Лондона толпами перебежали представители пролетариата, братавшиеся с крестьянами, силы которых в обоих лагерях, по свидетельству современников, возросли до 60 тысяч человек. Не удивительно, что при таких условиях самая мысль об организованном сопротивлении мятежникам казалась правящим классам невозможной. Объятые паникой, помещики или бежали из своих замков, или же соглашались платить тяжелые выкупы. Пятнадцатилетний король, у которого не было под руками никакой силы, поспешил из Виндзора в Туэр, где и заперся со своими советниками—архиепископом Кентерберийским, исполнявшим должность канцлера королевства, приором ордена госпитальеров, одновременно бывшим государственным казначеем, графами Бэкингом, Кентом, Сэффольком, Сольсбери и другими.

Лондонский мэр—Вильян Велворс отправил к восставшим трех ольдерменов, поручивши сказать, чтобы они „не приближались к городу и не приводили в страх и замешательство короля и других

господ и господж, а также названный город, но чтобы во всем повиновались королю и оказывали ему должное уважение“. Посольство, однако, плохо выполнило данное поручение. Один из ольдерменов прямо стал говорить восставшим „прелестные речи“, приглашая их в столицу, обещая им дружеский прием и снабжение съестными припасами. Обещания эти очень обрадовали инсургентов и утвердили их в решении во что бы то ни стало захватить Лондон.

Предварительно, однако, они захотели поговорить с королем и отправили к нему из лагеря в Блекизсе депутацию, с просьбой явиться для беседования. После некоторых колебаний в Туэре решили, что королю необходимо выполнить эту просьбу. Снарядили несколько лодок, и король со своими советниками поплыл по Темзе в направлении к Гринвичу. Вскоре на правом берегу реки показалась громадная толпа народа, которая, увидавши короля, подняла приветственный клич. Казалось, что с ними были все дьяволы преисподней, говорит летописец. Объятые ужасом, советники короля стали уговаривать его не высаживаться к этим „босоногим разбойникам“. Лодки быстро повернули и поплыли обратно к Туэру. Разочарованная и раздраженная толпа могла бы перебить стрелами и короля и всех его советников, но она этого не сделала. С криками „измена, измена!“ кентцы двинулись к Лондону, вступили в его пред-

месте Саусуорк, разгромили несколько домов и темниц и выпустили заключенных в них на свободу. Все это происходило в среду 12 июня, накануне праздника тела господня. Энергичный лорд-мэр распорядился запереть все ворота столицы и издал строгий приказ ольдерменам сторожить свои участки, охраняя входы и выходы. Однако эти приказания не были выполнены, ввиду сочувствия восставшим многим лондонских жителей, и не только из числа мелкого народа, но и из среды зажиточной буржуазии. Ночью было установлено свободное сношение столицы с повстанцами, причем один из ольдерменов—Джон Горн принимал в своем доме многих руководителей крестьянских ополчений, а утром 13 июня кентцы с развернутыми знаменами беспрепятственно вступили на Лондонский мост и вошли в город. Поручение охранять мост было возложено мэром на одного из ольдерменов—Вальтера Сайбиля, и он стоял здесь вооруженный с головы до ног, не позволяя запира́ть мост и отсылая от себя всех тех, кто приходил к нему на помощь. При этом Сайбиль говорил, что кентцы—друзья лондонцев и короля и что запира́ться от них вовсе не следует. Когда же ему возражали, что повстанцы разбивают королевские тюрьмы, чинят убийства и разрушают дома, ольдермен заявлял, что еще 20 лет назад все это следовало бы сделать. Здесь мы видим яркий пример проявления крайнего недовольства

политико́ю правительства со стороны одного из представителей именной столичной буржуазии.

Одновременно с кентцами проникли в столицу через северо-восточные ворота эссекцы, стоявшие на Майльэнде. Первым делом восставшие, вместе с присоединившимся к ним городским простонародьем, обрушились на дворец герцога Ланкастерского, которого народ считал главным виновником непопулярных мероприятий правительства Ричарда II. Убивши заградившего ей путь привратника, толпа ворвалась во внутренние покои, истребляя сказочную по богатству обстановку дворца и не имевший себе равного герцогский гардероб, в котором усыпанный драгоценностями золотой кафтан привлек на себя особенное внимание восставших. Поднявши этот символ отсутствовавшего вельможи на пику, они стали расстреливать его из лука, а потом разрубили на части мечами. Такому же истреблению подверглись посуда и разные украшения. Кубки ломали на куски и выбрасывали в Темзу, драгоценные ткани топтали ногами, кольца, застежки и другие украшения подвергали порче, с целью сделать их негодными для употребления. Всякое частное присвоение преследовалось под страхом отсечения головы, и записанное в летописи предание гласит, что замеченный в воровстве крестьянин брошен был товарищами в огонь со словами: „мы—ревнители истины и справедливости, а не вору и не разбойники“.

Разгромивши дворец, толпа, в которой Фруасар насчитывает до 20 тысяч человек, зажгла его с четырех сторон. Человек 30 проникли тем временем в погреб, разбили бочки с вином и пили его с песнями и прибаутками. Выйти им оттуда не удалось, так как, сжигая имущество герцога, толпа, по преданию, бросила в огонь и три бочки с порохом, полагая, что в них содержится золото. Последовал взрыв, и дворец разнесен был на части, похоронивши под своими развалинами всех тех, кто в это время в нем находился.

От дворца герцога Ланкастерского толпа направилась к Темплю. Две причины побуждали восставших к разгрому этого здания: во первых, оно принадлежало приору госпитальеров, ненавидимому крестьянством лорду-казначею, во вторых, оно было гнездом корпорации английских адвокатов и хранилищем всякого рода юридических актов, укреплявших права помещиков на даровые службы крестьянства. Толпа разнесла адвокатские камеры, взломала шкафы и сожгла все попавшиеся ей под руку бумаги. Разгрому подверглись также некоторые соседние дома, преимущественно дома присяжных, сами же присяжные в случае, если им не удавалось скрыться, предавались мучительной смерти. Той же участи подверглись и многие адвокаты. В толпу замешалось много выпущенных на свободу преступников, принимавших теперь самое деятельное участие в погромах и убийствах.

К вечеру разгромлено было и сожжено помещение рыцарей-госпитальеров, а также предан „потоку и разграблению“ загородный дворец приора со всем его содержимым. Около этого дворца толпа бушевала всю ночь; другая толпа ушла на ночлег в лагерь на Майльэнде, а третья расположилась на площади св. Екатерины перед Тоуэром, с намерением прежде всего добраться до архиепископа-канцлера и потребовать у него отчета в израсходовании тех больших сумм, которые за последнее время с таким рвением и жестокостью были собраны с населения.

В пятницу утром (14 июня) полчища, стоявшие у Тоуэра, послали сказать королю, что им необходимо иметь с ним личное свидание, и что для этого он должен явиться невооруженным на Майльэнд. Кроме того, у короля требовали выдачи его дурных советников. В случае отказа, грозили осадить Тоуэр и разнести его до основания, подобно другим замкам короля и магнатов. Осажденных в Тоуэре, по словам летописца, обуял женский страх, и Ричард послал сказать восставшим, чтобы все шли на Майльэнд, куда он немедленно явится. Далеко не все, однако, ополченцы послушались приказа. Многие остались на месте, и едва ворота Тоуэра растворились, чтобы пропустить короля с его немногочисленной свитой, как толпа ворвалась во двор и с грозными криками „где изменники?“ стала рыскать по всем комнатам замка, разыскивая

архиепископа, приора и других ненавистных ей королевских советников. Некоторые забрались в спальни короля и его матери—королевы, сажались и ложились на королевскую кровать, требовали у королевы поцелуев. Пораженные страхом, воины из замковой охраны оставались без движения даже тогда, когда их трепали за бороды, и ничего не сделали для того, чтобы помешать последовавшим затем кровавым событиям—убийству архиепископа, приора и других. Толпа насадила головы убитых на пики, с торжеством носила их по улицам столицы и, наконец, выставила на Лондонском мосту, как головы изменников. „О, ужас, гласит один современный источник, честную голову епископа носили по улицам с криками „вот голова предателя“. Епископскую корону пригвоздили к его челу и в таком виде выставили на мосту, как голову изменника“.

Опьяненная кровью толпа рыскала по улицам города, отыскивая все новые и новые жертвы. Всякого встречного спрашивали, за кого он, и если спрошенный не отвечал „за короля Ричарда и верные общины“, ему с дикими воплями рубили голову. Особенно много в этот день погибло фламандцев, с которыми лондонцы и ранее сводили счеты, видя в этих иноземных купцах и ремесленниках опасных конкурентов. Многие из фламандцев искали спасения в церквях, но их вытаскивали оттуда на улицу, убивали и сваливали тут же в

кучи, человек по 40 в каждой. Грабили также дома иностранных банкиров (ломбардцев), ростовщические операции которых естественно вызывали к ним ненависть населения. „Всякий, кто питал к кому либо злобу или вражду, говорит летописец, тут же разыскивал его и немедленно обезглавливал“. Между прочим, цеховые ученики расправлялись таким образом с своими хозяевами-мастерами. Громилы дома зажиточных горожан, а их собственников убивали или же брали с них выкуп. Неистовства восставших распространились и на предместья: и здесь толпа разбивала дома, сжигала документы и требовала выкупы за сохранение жизни. Всюду, наряду с пришлыми крестьянами, действовали и лондонцы, преследовавшие свои личные интересы. Между прочим, некоторые из них усиленно искали „книгу об обычаях города Лондона“, чтобы ее уничтожить, очевидно, разумея под **этой** книгою грамоты, на которых покоились привилегии крупной буржуазии. Известный уже ольдермен Джон Горн верхом на коне и с развевающимся знаменем в руках раз'езжал в сопровождении вооруженной толпы по улицам города, предлагая скорый и справедливый суд всякому, кто чувствовал себя обиженным королевским правительством. Желавшие прибегнуть к такому суду находились, причем приговор и исполнение следовали тут же на месте. Таким путем, например, одна женщина была немедленно введена во владение будто бы незаконно

отнятою у нее усадьбою, а ее противник — торговец москательными товарами — захватчик усадьбы должен был поступиться всем своим находившимся в усадьбе имуществом в вознаграждение убытков истицы.

В то время, когда разворачивались все эти кровавые события в Лондоне, король со своею свитою прибыл на Майльэнд, уподобившись „агнцу среди волков“, по выражению летописца. Поздоровавшись с угрюмою и сурою толпою, он принял от нее письменную петицию, которая гласила следующее:

„Все в пределах королевства Англии должны быть освобождены от всякого рода личной зависимости и рабства, так, чтобы впредь не было ни одного виллана.

„Всем своим подданным король должен простить всякого рода совершенные теперь против него преступления, как то: восстания, измены, убийства и грабежи, захват чужих прав, вымогательства, и даровать им свой крепкий мир, всем и каждому.

„Всем подданным короля должно быть даровано право свободно покупать и продавать во всех городах, местечках, селах, где производится торговля, а также во всех других местах в пределах королевства Англии.

„Земля, которую прежде держали на вилланском праве, за службу, впредь должна сдаваться

исключительно за деньги, причем с акра следует брать не более четырех пенсов; в тех же случаях, когда за акр взимали менее четырех пенсов, эта последняя плата не должна быть повышаема“.

Много и других „предосудительных“ вещей требовали они от короля, говорит летописец. В заключение восставшие заявляли, что до сих пор король находился под руководством дурных советников, но что теперь они сами будут руководить им.

Король вынужден был согласиться на все требования восставших и предложил им мирно разойтись по домам, оставивши по нескольку представителей от каждой деревни, которым король обещал выдать грамоты за своею печатью, подтверждающие все то, что содержалось в петиции. По словам летописца, эссецы с удовольствием приняли предложение короля, так как „устали от долгих трудов и соскучились по своим домам, женам и детям“. К тому же они спешили на летние работы по сенокосу и жатве, и поэтому охотно двинулись обратно домой, оставивши лишь небольшой отряд для получения обещанных грамот. Грамоты стали изготовляться тотчас же, и их выдавали эссецким депутатам и всем, кто желал получить их.

Не так отнеслись к королевскому предложению кентцы. Они „не особенно добивались грамот с ко-

ролевской печатью" и вовсе не думали расходиться по домам, попрежнему занимаясь погромами, поджогами и убийствами. Теперь в качестве главного руководителя движения выступает Уот Тайлер, который ранее был лишь одним из предводителей крестьянских отрядов и совсем не появлялся при свидании на Майльэнде. Нам неизвестны ни прошлое этого человека, ни его планы. По словам одного из современников, Тайлер замышлял, опираясь на бедное простонародье Лондона, „разграбить город, предварительно убивши короля и магнатов, и зажечь его с четырех сторон“. По словам другого современника, Тайлер, замысливши истребить всю знать в королевстве, не хотел причинять зла королю. „Он юн, будто бы говорил вождь кентцев своим сотоварищам, мы заставим его поступать по нашей воле и будем водить с собою повсюду, куда только мы ни отправимся в пределах Англии, и станем господами королевства, в этом нет никакого сомнения“. Один из главных сподвижников Тайлера—Джон Строу в предсмертной исповеди, будто бы, показал, что намерения вождей кентцев были таковы: „всех рыцарей, оруженосцев и остальных дворян, которые придут с королем (подразумевается — на свидание с кентцами) мы решили немедленно же умертвить; самого же короля мы думали водить с собою с места на место, воздавая ему все царские почести, чтобы все, в особенности же простой народ, видя его

с нами, смелее присоединялись к нашей толпе догадая, что зачинщик нашего мятежа—сам король. Собрав таким путем по всем графствам бесчисленное множество простого народа, мы намеревались внезапно предать смерти всех сеньоров, которые затеяли бы чтонибудь против нас или вздумали бы оказывать нам сопротивление; прежде всего и главным образом занялись бы мы истреблением госпитальеров. Затем мы бы убили короля и стерли с лица земли всех духовных помещиков, епископов, монахов, каноников, кроме того, настоятелей приходских церквей. В живых остались бы одни нищенствующие монахи, и их достаточно было бы для совершения таинств по всей стране. Когда бы уже никого не осталось, кто был бы значительнее нас, храбрее и учнее, мы думали по своему желанию издать законы, по которым управлялись бы подданные. Тогда мы избрали бы себе и королей; Уота Тайлера поставили бы королем в Кенте, а в остальных графствах в каждом особого“. Если мы сопоставим все эти известия с содержанием проповедей Джона Болла, то для нас во всяком случае станет ясным, что программа предводителя кентцев была гораздо радикальнее программы эссекев. Если последние прежде всего добивались отмены крепостного права, то кентцы, не знавшие у себя дома крепостной зависимости, очевидно, Майльэндской петицией совсем не были удовлетворены и надеялись провести более корен-

ные реформы, не только социального, но и политического характера. Вот почему они потребовали у короля нового свидания, которое должно было состояться в субботу 15 июня на площади Смильфилд.

Между тем овладевшая зажиточными классами паника значительно улеглась с отбытием эссекцев, которые составляли главную массу восставших. В то же время потребность в организованном отпоре стала чувствоваться все сильнее в виду непрекращавшихся погромов и убийств, а также упорно ходивших в народе слухов о намерении кентцев сжечь Лондон. Летописцы отмечают тот факт, что высшие слои городской буржуазии, предвидя необходимость померяться силами с простонародьем, стали привлекать в свои жилища родственников и знакомых, живших обычно вне Лондона. Снабдивши кого следует оружием, они готовились ко всяким случайностям и даже нашли себе предводителя в лице знаменитого Роберта Кнолля, когда то нашумевшего своими похождениями в качестве начальника бригадов в Нормандии.

Таким образом, когда король отправлялся на свидание с кентскими дружинами на Смильфилд, в столице уже имелось значительное число лиц, готовых к сопротивлению. Все же невозможно было предвидеть ту неожиданную развязку, какую приняли события в Лондоне 15 июня. Ведь, и после

ухода эссекских ополчений в столице оставалось от 30 до 40 тысяч человек повстанцев. На одном Смильфилде в момент прибытия туда короля толпилось до 20 тысяч кентцев; приблизительно столько же было рассеяно по отдельным кварталам, и могло во всякое время подоспеть на подмогу. Король и его приближенные, звавшие о численности врагов и имевшие случай воочию убедиться, на что способны эти люди, не могли, конечно, не вспоминать о судьбе архиепископа и приора и не опасаться за целостность своей жизни. Нет поэтому ничего невероятного в рассказе летописца о том, что перед свиданием на Смильфилде король отправился в Вестминстерское аббатство, чтобы просить у Эдуарда Исповедника заступничества в деле, в котором „бессилен был ум человеческий“. Встреченный процессией монахов, король сошел с коня, преклонил колени и со слезами поцеловал поднесенное ему монахами распятие. Потом король слушал обедню, исповедовался, причастился и лишь после этого отправился со своими приближенными на Смильфилд, где его ожидала огромная толпа народа. Один из королевских рыцарей был послан к стоявшим в боевом порядке кентцам, чтобы пригласить их вождя—Уота Тайлера для переговоров. Последовавшую за тем сцену, о которой, очевидно, впоследствии ходили самые разноречивые толки, различные летописцы изображают по разному. Передадим ее со слов проф. Д. М. Петрушевского,

посвятившего обширную работу специальному изучению восстания Уота Тайлера ¹⁾).

„Взобравшись на низкорослую лошадку, в сопровождении знаменосца, с одним лишь кинжалом в руке, Уот Тайлер отправился к королю. Подъехав к королю, он сошел с коня, почтительно согнул перед королем колено, схватил и сильно и грубо пожал королю руку и сказал: „Будь спокоен, брат, и весел: через какие нибудь две недели общины будут благодарить тебя еще больше, чем теперь, и мы будем хорошими товарищами“. Король спросил Тайлера, почему он и его товарищи не хотят возвращаться домой, как это сделали другие: ведь королевская грамота дала им все то, чего они требовали на Майльэнде. Тайлер решительно на это заявил, подкрепивши свое заявление весьма энергичной клятвой, что ни он, ни его товарищи не уйдут, пока не получат грамоты, дополненной новыми статьями, и что лорды королевства горько раскаются, если эти статьи не будут прибавлены. И затем, по требованию короля, стал излагать эти новые пункты.

„Все выделенные в исключительное пользование сеньоров лесные и водные территории должны стать общим достоянием, чтобы как богатый, так и бедный мог по всему королевству во всех

реках и прудах свободно ловить рыбу, охотиться за зверями во всех лесах и гонять зайцев на всех полях. В королевстве не должно быть никакого закона, кроме закона Винчестерского. Впредь суды не должны приговаривать к лишению покровительства законов. Права сеньоров должны быть упразднены, и установлено равенство всех, кроме короля. Находящиеся в распоряжении монахов, настоятелей приходов, викариев и других церковных людей имущества должны быть отняты у них, за исключением того, что необходимо для их содержания, и разделены между прихожанами. В Англии должен быть лишь один епископ и один прелат, и все земли и держания епископов и прелатов должны быть взяты у них и разделены между общинами. В заключение Тайлер заявил, что в Англии не должно быть вилланов и вилланства, но все должны быть свободны и равны. Король выразил готовность удовлетворить все эти требования, поскольку они были совместимы с его королевскими правами, и предложил Тайлеру и его товарищам не медля разойтись по домам.

„Был жаркий день, от продолжительного разговора с королем у Тайлера пересохло в горле, и он послал своего оруженосца достать ему чего нибудь выпить. Ему принесли сначала воды, а потом пива. Сначала он выполоскал „грубо и непочтительно“ в присутствии короля свой рот, а затем отпил большой глоток пива и стал тут же, не

¹⁾ Проф. Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. Второе, переработанное издание. Москва. 1914, стр. 60—62.

обращая внимания на короля, взбираться на свою лошадь. В этот момент один из свиты короля хранивший все это время глубокое молчание, попросил позволения из задних рядов пройти вперед и взглянуть на вождя восставших. Лишь только он увидел его, он открыто заявил, что это—величайший вор и грабитель во всем Кенте. Услышав эти слова, Тайлер в раздражении замотал головой и крикнул говорившему, чтобы он подошел к нему. Тот не решался сначала, но потом подошел. Тайлер велел своему оруженосцу сойти с коня и отрубить голову оскорбителю. Этот последний заявил Тайлеру, что он не заслужил смерти, так как то, что он говорит, — чистая правда, и отказался вступать с ним в пререкания в присутствии короля. Тогда Тайлер ринулся на него с кинжалом в руке и в'ехал в ряды королевской свиты. Лондонский мэр остановил его и заявил, что он его арестует. В ответ Тайлер ударил Волворса кинжалом в живот. Удар скользнул по кольчуге, которая была надета на мэре, не причинив ему никакого вреда; мэр, с своей стороны, выхватил из ножен тесак и ударил Тайлера сначала в шею, а потом в голову; один из членов королевской свиты несколькими ударами меча смертельно ранил вождя кентцев; но он еще успел дать шпоры своему коню и проехал несколько шагов, а затем свалился полумертвый на землю. Его окружили плотною цепью королевские люди“.

Кентцы не сразу догадались, что случилось с их вождем, но, наконец, им все стало ясно. Минута была критическая. Грозный ропот вихрем понесся по рядам восставших, и они натянули свои луки, собираясь пустить в короля и его свиту тысячи стрел, чтобы отомстить за убийство предводителя. находчивость и мужество юного короля спасли ему жизнь. Давши шпоры коню, Ричард быстро понесся к толпе. „Я—ваш король, ваш начальник и предводитель, закричал он; за мною в поле! Получите все, чего пожелаете“. „И весь народ, говорит летопись, как один человек, пошел за ним в поле“, очевидно, пораженный смелостью короля и его решительным тоном.

Тем временем лорд-мэр в сопровождении одного из своих слуг во весь опор мчался в столицу, чтобы поднять здесь тревогу. С быстротою молнии разнеслась весть о том, что король в смертельной опасности и что нужно спешить к нему на помощь, иначе будет поздно. Тотчас же бывшие наготове вооруженные силы горожан, в количестве 7—8 тысяч человек, побежали разными воротами за город и, соединившись под командою Роберта Кнолля, поспешили на помощь королю в поле.

Прибытие городского ополчения решительно склонило дело в пользу короля и заставило кентских повстанцев быть более сговорчивыми. С своей стороны, и король сдержал воинственный пыл

рыцарей и горожан, изъявивших желание броситься на крестьян и отомстить им недавние унижения. Он распорядился выдать кентцам освободительные грамоты и в великой радости возвратился в столицу, предварительно тут же среди поля посвятивши в рыцари мэра и еще нескольких влиятельных представителей лондонской буржуазии. Посетивши затем комнаты своей матери, Ричард имел право сказать ей, что „с божьею помощью он вернул свое наследство и потерянную корону Англии“. В тот же день было оповещено о приказании всем, кто не принадлежал к числу уроженцев столицы и не прожил в ней в течении года, немедленно удалиться в свое обычное местожительство. Большинство горожан сочувственно отнеслись к этой мере и даже содействовали аресту Робертом Кноллем Джона Стру—одного из руководителей кентцев. Отсеченная от трупа голова Уота Тайлера выставлена была на Лондонском мосту, в том самом месте, где предана была на поругание голова примаса Англии — архиепископа Кентерберийского. Расходясь по домам, крестьяне получали грамоты за королевской печатью, составленные в духе Майльэндской петиции. „Заручившись этими грамотами, они стали считать себя, говорит летописец, благороднее самого короля и свободными от всяких служб и обычных повинностей, вследствие чего порешили не исполнять во все никаких служб и повинностей, и даже не пла-

тить никаких денежных взносов“. Очевидно, крестьяне и не предполагали, что нельзя полагаться на королевское слово, данное в минуту смертельной опасности; тем более горькие разочарования принесли им последующие события.

Тотчас же по удалении кентцев король разослал по графствам приказ, чтобы все, кто любит короля и дорожит его честью, на конях и с оружием поспешили в столицу. Таким образом в течение трех дней была собрана в Лондоне прекрасно вооруженная сорокатысячная армия, опираясь на которую король начал расправу с мятежниками. В понедельник 17 июня в Лондонской городской Думе уже заседала чрезвычайная судебная комиссия, с лордом — мэром во главе, казнившая несколько человек, в том числе Джона Стру, который перед смертью, будто бы, принес повинную и выдал все тайные замыслы руководителей восстания. Во вторник 18 июня было разослано по графствам королевское оповещение о том, что распускаемые восставшими слухи, будто они действуют по воле и приказанию короля, ложны. Королевским чиновникам и всем верноподданным предписывалось всячески опровергать эти слухи и всевозможными мерами, с применением в случае нужды оружия, оказывать сопротивление мятежным гражданам, уговаривая их, под страхом неминуемой смерти и конфискации имущества, вернуться к мирному образу жизни.

Провинция в это время еще далека была от успокоения. Весть о том, что эссекцы и кентцы захватили Лондон, все более и более раздувало здесь пламя восстания. К югу от Темзы оно распространилось до Дэвоншира; были отдельные вспышки на севере; бурным пожаром были охвачены центральные графства. В общем, движение повсюду походило на аналогичные движения в Кенте и Эссексе, будучи направлено на искоренение правительственных злоупотреблений и основ крестьянской несвободы и обычно сопровождаясь поджогами, грабежами и кровавыми самосудами. Но оно имело и местные особенности, в зависимости от тех или иных тягот, от которых особенно страдали местные жители, причем преследовало не исключительно цели крестьянского освобождения. Все недовольные спешили воспользоваться временным упадком правительственной власти для восстановления своих, как они выражались, исконных вольностей, будут ли то вольности затираемого поместьем сельского мира или страдающего от торгово-промышленных—гильдийных и цеховых монополий городского „мелкого люда“, или же, наконец, утесняемого олигархическими советами и привилегированными корпорациями городского схода. В Кэмбридже, например, движение, руководимое мэром, бэйлифами и другими зажиточными горожанами, было направлено против привилегии университета, обширные вольности которого стѣ-

сняли муниципальную свободу города. Горожане разгромили часть университетских зданий, исколотили попавшуюся под горячую руку университетскую прислугу, заставили представителей университета отказаться от своего привилегированного положения, не претендовать впредь на полное самоуправление и политическое господство в городе и во всем подчиняться предписаниям городского совета. Королевские грамоты, папские буллы и другие выданные университету документы всенародно были изорваны и сожжены на городской площади. Предание гласит, что, когда огонь уничтожил грамоты университета, одна старуха собрала оставшийся от костра пепел и развеяла его по ветру с напутствием: „так да сгинет и вся мудрость ученых“. Здесь же, в Кэмбриджском графстве, население, ополчившееся на юристов, приговорило к смертной казни мирового судью графства и немедленно привело этот приговор в исполнение. Когда судью вели на казнь, один из вожаков движения— Бэк отнял у осужденного кошелек с деньгами, из которых один шиллинг дал палачу „за труды“, а остальное присвоил себе. Позднее на суде Бэк оправдывался тем, что он присутствовал при казни по приказанию восставших. Когда же суд осведомился, по чьему приказанию он отнял у осужденного деньги, Бэк с простодушной наивностью заявил, что, „как он думает, по приказанию дьявола“.

Надо заметить, что иногда, в виде исключения,

движение не носило разрушительного и кровавого характера, каковое обстоятельство опять-таки объясняется чисто местными условиями и установившимися отношениями между двумя борющимися сторонами. В данном случае особенно любопытно восстание в Сент-Альбане (в Гертфордском графстве), история которого скорее есть история патриархальных препирательств аббата с местными жителями, нежели кровавого восстания угнетенного простонародья против помещика. Поднятые лондонскими делегатами, которые, под угрозой сожжения города, требовали прибытия жителей в столицу на помощь кентцам, сент-альбанцы решительно не знали, что предпринять, и первым делом обратились за советом к аббату. Аббат и монастырская братия присоветовали послать в Лондон выборных людей, которые бы заявили, что Гертфордское графство и город Сент-Альбан верны королю и общинам, что между сеньорами и их подданными здесь существуют самые дружеские отношения, и что никому нет надобности являться сюда для улаживания каких-либо несогласий: все готовы сражаться за короля и государство, лишь бы было указано время и место. Выборные, к которым присоединилась большая толпа, были отправлены, и у них уже в Лондоне созрела мысль добиваться свободного пользования принадлежащими аббатству угодьями (выгонами, лесами, водами), как это водилось по старине, а также права иметь

собственные ручные мельницы, чтобы самим молотить на этих мельницах свое зерно, минуя дорого стоящие услуги монахов. Сочли благоразумным побывать и у короля и у Тайлера, чтобы от обоих заручиться поддержкою. Король выдал выборным указ, повелевающий аббату выдать хранящуюся в монастырских архивах старинную грамоту Генриха, которая признавала за сентальбанцами свободное пользование угодьями, а Тайлер обещал, в случае надобности, сам пожаловать в городок, чтобы „обрить бороды аббату, приору и всей прочей монашеской братии“. Узнавши, какой оборот приняли события в столице, приор и некоторые из монахов сбежали в отдаленные монастырские поместья, но аббат, уверенный в добрососедских отношениях жителей, остался. Между тем последние, предводимые булочником, ткачем, слесарем, красильщиком, портным, плотником и другими более знающими и толковыми людьми, изготовивши себе усилиями местного маляра знамя с королевским гербом, разрушили изгороди, снесли ворота, закрывавшие доступ в монастырские леса, и разгромили дом аббатства, предназначенный для монопольного торга рыбою. От всех была отобрана клятва верности королю Ричарду и общинам, и во все зависимые от аббатства селения разослан приказ немедленно явиться в Сент-Альбан, чтобы общими силами требовать вольностей. Кто не придет, тому грозили смертью, разрушением и сож-

жением домов и конфискацией имущества. Все это происходило в пятницу 14 июня. Утром следующего дня произошло в одном из монастырских лесов собрание, на котором постановили продолжать захват монастырских угодий, чтобы отвести их под общие выпасы. Встретившись при возвращении с подошедшими из деревень крестьянами, сент-альбанцы заключили с ними клятвенный договор и сообща вступили во владение огороженными и неогороженными землями аббатства путем рукобитья и старинного обряда передачи им древесных веток. Поймавши кролика, они понесли его на копье в Сент-Альбан и выставили у лозорного столба в знак того, что отныне дичь в заповедных монастырских парках и лесах—общее достояние. Затем толпа ворвалась в монастырскую тюрьму, вывела всех заключенных и тут же над одним из них нарядила следствие. Найдя его виновным, обезглавили и выставили голову к позорному столбу, „чтобы всем стало ясно, что они пользуются новыми правами и привилегиями“.

Тем временем вернулась вся масса депутатов из Лондона, торжественно вступившая в городок со знаменем, на котором красовалось изображение попирающего дракона св. Георгия. Разыскавши аббата, депутаты вручили ему в присутствии вооруженной толпы королевский указ о возвращении старинной грамоты короля Генриха, которая утверждала за населением общинные права на поля,

пастбища, рыбные ловли и другие угодья. Аббат долго препирался с толпою, ссылаясь на незаконность ее притязаний, но, наконец, под угрозой посылки за Уотом Тайлером, уступил: он обещал изготовить новую грамоту о вольностях и распорядился вернуть жителям обязательства, заключенные их предками с одним из аббатов. Все же толпа требовала выдачи древней грамоты короля Генриха, в которой заглавные буквы были расписаны золотом и лазурью. Аббат отвечал, что такой грамоты у него нет, но что он ее поищет, и если найдет, отдаст после обеда. Тем временем крестьяне и горожане взломали монастырские ворота и, вынесли из монастырской гостиницы вставленные в пол жернова ручных мельниц, которые когда то были доставлены предками восставших в знак отказа от прежней свободы помолы и признания помещицей мельничной монополии. Толпа разбила эти жернова на части и распределила куски между собой, точно куски просфоры, по замечанию летописца. Выданные аббатом документы были преданы сожжению на городской площади.

После полудня снова стали требовать грамоту короля Генриха, угрожая разнести монастырь до основания. После новых долгих препирательств с аббатом договорились подождать до следующего утра. К этому сроку аббат, во что бы то ни стало, должен был выдать народу древнюю грамоту его вольностей. Вечером толпа разгромила дома упра-

вляющих монастырскими именьями, которые заблаговременно бежали из города, а на ночь нарядила стражу, которой поручено было следить, чтобы никто из монахов не скрылся из обители.

На другой день, в воскресенье 16 июня пришла весть о смерти Уота Тайлера. Вместе с тем королевский гонец привез грамоту, в которой король просил не чинить обид монастырю, обещая заставить аббата дать удовлетворение всем, кто в этом нуждался. Горожане более не настаивали на немедленной выдаче грамоты Генриха, удовольствовавшись новою грамотой вольностей, которая давала им права на угодья и расширяла городскую автономию. Грамоты о вольностях получили и окрестные села, числом около тридцати, участвовавшие в движении. К 20 июня все мирно разошлись по домам, чтобы пользоваться завоеванными без единой капли пролитой крови правами.

Недолго, однако, сент-альбанцы и все участники восстания, получившие от короля освободительные грамоты, баюкали себя розовыми надеждами начать новую жизнь. Слухи о расправе с вожаками движения в Лондоне и поведение воспрянувшего духом местного дворянства показывали, что дело не ладно. Встревоженные эссекцы отправили к королю депутацию, которая должна была разведать о намерениях правительства и попытаться выговорить для крестьян новые вольности. Депутация принесла самые неутешительные известия, и эссекцы

решили снова вооружиться, чтобы отстоять завоеванную свободу. Однако они дважды были разбиты силами местного рыцарства, причем многие были убиты, многие захвачены в плен и подверглись тюремному заключению. Здесь лишний раз сказалась полная неспособность крестьянских ополчений меряться силами с знатью в открытом поле. В это же самое время в графствах Норфолькском, Кэмбриджском и Нортгэмптонском восстание было подавлено воинственным норичским епископом Генрихом Спенсером. Король сам отправился в Эссекс и, встретивши здесь изъявление покорности, даровал жителям полную амнистию, казнивши, впрочем, главных деятелей восстания. По всей Англии были разсланы чрезвычайные судебные комиссии, которые совместно с рыцарями графств приводили страну к порядку, а население к покорности. „И вот, повествует летописец, по королевскому повелению, был послан судья Роберт Трезилиан для следствия над восставшими против мира и для наказания их. Разъезжая повсюду, он никому не давал пощады и произвел великое кровопролитие.. Ибо над всеми, кто был обвинен перед ним в вышесказанном деле, справедливо ли или из неприязни, он немедленно произносил смертный приговор. Одних он приказывал обезглавить, других просто вешать, иных велел волочить через весь город, затем обезглавить, четвертовать и вешать в четырех концах города, у иных же приказывал выпу-

скать внутренности и сжигать эти внутренности у них на глазах, пока еще были живы, а затем четвертовать их и вешать в четырех концах города, воздавая каждому по заслугам его". „Тогда повсюду можно было видеть королевского судью, сообщает другой летописец, проникнутый жалостью к восставшим, производившего расследование об этих заговорщиках и всех виновных немедленно присуждавшего к повешению. Тогда были воздвигнуты виселицы там, где их прежде не было, потому что наличных не хватало для тел осужденных. Многие, участвовавшие в этом возмущении, бежали, чтобы их не схватили и вместе с другими не предали горькой смерти. Ужас обуял народ при виде такого множества тел, висевших при свете дня, и печаль охватила его, когда многие, как изгнанники, стали покидать родимую землю“. Среди Лондона, на одной из самых оживленных улиц Сити, в Чипсайд, устроен был эшафот и приготовлена секира. Экзекуция часто поручалась женам потерпевших фламандцев. Вешали на одной виселице по десятку человек, нередко и более. Число изведенных казнями было, однако, значительно меньше числа избитых рыцарскими ополчениями: один летописец считает, что помещики при подавлении восстания истребили более семи тысяч.

Когда таким образом сотни и тысячи крестьян искупили муками и смертью попытку выйти из неволи, и даже в высших правящих кругах раздался

ропот против чрезмерных жестокостей, король, с согласия членов совета, решил положить конец излишнему усердию судебных комиссий. Было отдано распоряжение, чтобы впредь обвиненный в восстании „только тогда подвергался мукам законной кары, когда против него высказывались одна за другой три серии присяжных“. Реакция добралась и до Сент-Альбана, причем местное рыцарство и аббат всеми силами старались предупредить прибытие раззорительной для графства карательной экспедиции, уговаривая короля предоставить им самим уладить дело с жителями: добиться от них выдачи зачинщиков и возвращения полученных от аббата грамот о вольностях. Горожане то приходят в страх и отчаяние, то переходят к новым надеждам, и лишь после долгих препирательств с аббатом возвращают ему грамоты вольностей, и кстати и новые жернова взамен тех, которые были унесены и разбиты во время восстания. Король все же явился с тысячным отрядом войска и страшным Трезилианом, который, учинивши расправу, казнил 15 зачинщиков и таким образом пролил первую кровь в Сент-Альбане. Здесь же подвергся лютой казни схваченный и выданный жителями Ковентри Джон Болл, колесованный, повешенный и обезглавленный в присутствии короля, к которому он когда то звал народ звонкими „ударами в колокол“. Труп народного проповедника, разрубленный на четыре части, был послан

четырем городам королевства. Интересно, что сент-альбанцы мстили аббату пред'явлением ему перед судебной комиссией обвинения в том, что никто другой, как он сам, направил их к лондонским ополченцам и тем вызвал связанные с восстанием бедствия.

30 июня король разослал по графствам приказ, чтобы все держатели, как вилланы, так и свободные, без противоречия, ропота и сопротивления исполняли своим господам все лежащие на них и на их землях повинности, как натуральные, так и денежные, какие они исполняли перед восстанием, не уменьшая их и не заявляя притязаний ни на какие вольности и привилегии, какими они не пользовались до восстания, под страхом конфискации всего имущества. Всех, кто после этого оповещения станет противиться королевскому приказу, велено арестовывать и заключать в тюрьмы, где они должны оставаться до тех пор, пока король не пришлет распоряжения о их наказании.

2 июля вышел новый приказ короля, звучавший окончательным похоронным звоном над всеми достижениями восстания: он объявлял недействительными выданные участникам движения освободительные грамоты. Грамоты эти, говорилось в приказе, изданы были второпях, без зрелого обсуждения и в противность законам. Они могут принести только вред королевской короне, а также прелатам, дворянам, магнатам, церкви и всему королевству

Англии. В силу этих соображений, король, с согласия своего совета, объявляет, что дарованные им свободы ничтожны по существу, и что удостоверившие их письма отныне теряют всякую силу. Но, поступая таким образом, правительство не отказывается от мысли облегчить участь крестьян и намерено наделить их со временем такими милостями, которые будут угодны богу, полезны государству, и которыми всеверные подданные вправе будут считать себя удовлетворенными.

3 ноября, в целях окончательной ликвидации восстания, был собран в Вестминстере парламент. Лорд-казначей Сеграв в присутствии короля и всего собрания огласил следующую декларацию: „Вам не безведомо, что во время восстания государь поставлен был в необходимость выдать крепостным крестьянам грамоты о свободе. Но, поступая таким образом, он знал, что не может сделать этого по совести и согласно законам. Он имел в виду только поскорее затушить пожар, разведенный дурными людьми, и положить конец их жалобам и хитрым проделкам; он не мог избрать другого средства, так как фактически не пользовался в это время своими правами. Но стоило только господа богу вернуть ему прежнюю власть..., как он, с согласия своего совета, распорядился, чтобы письма, им изданные, и пожалования, в них обозначенные, объявлены были уничтоженными. Теперь же король хочет знать ваши желания и от самих

— 128 —

вас их выслушать, от вас, прелаты, сеньоры и общины, здесь собравшиеся. Он спрашивает вас, хорошо ли он поступил, взяв обратно королевские письма, и согласуется ли это с вашими намерениями? Он объявляет вам, что, буде вы все с общего согласия захотите освободить и отпустить на волю ваших крестьян, как этого желают, по слухам, некоторые из вас, король согласен будет принять ваше прошение“. Парламент на поставленные ему вопросы ответил не сразу, и в следующем собрании через пять дней рыцарь Ричард Вальгрев прямо заявил королю, что „мы расходимся в мыслях по поставленному нам запросу“. Очевидно, раздавались не отдельные только голоса за улучшение быта крестьян, и король в данном случае не прочь был пойти на уступки. Все же, в конце концов, вынесено было неблагоприятное для деревни решение оставить крестьянские отношения в том виде, в каком они были до восстания. Вместе с тем парламент ходатайствовал об амнистии участникам восстания, за исключением лиц, список которых был представлен. На это последовало согласие короля, и английская Жакерия была окончательно ликвидирована.

Как и французская Жакерия, она не имела каких либо реальных и длительных результатов для дальнейшей социальной истории Англии. После восстания продолжается то же развитие коммутации и арендных отношений как на господской земле, так и на крестьянских участках, причем,

— 129 —

наряду с процессом исчезновения крепостной (личной) зависимости, завершившимся в XVI в., намечается все большее и большее имущественное расхождение среди самого же крестьянства. С XV в. характерными чертами аграрной эволюции Англии является, с одной стороны, развитие овцеводства, вызванное все более и более возрастающим спросом на английскую шерсть в промышленных странах континентальной Европы, с другой стороны, дальнейшее „огораживание“ земель, т. е. выделение их из общинного пользования. Эти явления, приводившие к тому, что современники характеризовали выражением „овцы поели людей“, в конце концов (начало XIX в.) имели своим результатом образование в Англии крупных поместий лэндлордов, полное исчезновение крестьянской общины и обезземеление переселявшегося в города и пополнявшего собою кадры городского пролетариата крестьянства.

III.

Восстание

Чиомпи во Флоренции.

Западно-европейская средневековая промышленность, носившая в рамках городского хозяйства форму цехового ремесла, не была рассчитана на большие отдаленные рынки, а приспособлена к удовлетворению узких местных потребностей, вследствие чего размах производства был невелик, доходы от предприятий ничтожны, и мастер—предприниматель лишь кормился от ремесла наравне с своими помощниками—подмастерьями. Он был первым между ними в том смысле, что ему принадлежало руководство работами. Он принимал заказы, заботился о своевременном их выполнении, главную часть работы выполнял собственноручно. Если подмастерье работал от восхода и до захода солнца, то столько же работал и мастер, который, следовательно, не столько был предпринимателем, сколько рабочим, и источником его существования была не столько эксплуатация чужого труда, сколько собственная трудовая деятельность. Капитал, затрачиваемый мастером на предприятие, был крайне незначителен. Во Франции и Германии в большинстве случаев он не превышал нескольких сот франков или марок на современную золотую валюту.

При таких условиях производства мастер и подмастерье не являлись двумя соперниками, интересы которых были бы противоположны друг другу. Классового антагонизма еще не было, так как не было причин для его появления. Положение подмастерья было переходным к званию самостоятельного мастера, и пока он имел надежду, по выдержании установленного испытания, достичь экономической независимости, не могло быть и речи о выделении особого класса несамостоятельных рабочих, естественно враждебных выше стоящему и привилегированному классу предпринимателей. И если, с одной стороны, подмастерье был уверен, что рано или поздно он и сам добьется звания мастера, то, с другой стороны, и мастер легко мог очутиться в положении подмастерья. Резкой разницы между этими двумя категориями ремесленников не существовало. Отсюда общность интересов, товарищеские отношения, и нередко одинаковое и равномерное участие в решении всех важных вопросов цеховой жизни.

Типичный городской строй средних веков, со всеми присущими ему экономическими и социальными особенностями, уже в XIV—XV вв. начал разлагаться под влиянием зарождавшегося капиталистического хозяйства, причем симптомы этого разложения в разных странах стали сказываться не в одно время и не в одинаковой степени. Выростая главным образом в области торговли, западное

европейский капитал вторгался, между прочим, и в область промышленной деятельности и производил здесь крупные изменения. Традиционное цеховое ремесло, рассчитанное на прямые сношения производителя с потребителем, мало по малу перерождалось, так как открывавшиеся для промышленных изделий широкие рынки требовали и новых форм промышленной деятельности, построенных на новых—капиталистических началах. Стали появляться на Западе крупные промышленные центры, а ремесленники постепенно превращались в кустарей, зависимых от скупщиков—предпринимателей. Таким образом, самостоятельный ранее мастер работал уже не на потребителя непосредственно, а на капиталиста-предпринимателя, получая нередко от последнего сырье и даже орудия производства, словом, превращаясь в простого рабочего. Иногда ремесленники работали уже не у себя на дому, не в своей мастерской, а в помещении предпринимателя, получая от него определенное жалованье, и в таком случае ремесло превращалось в мануфактуру. Уцелевшие от захватов купцов-предпринимателей цеховые мастера, будучи задавлены конкуренцией иногородних и иностранных товаров, боролись с ней установлением всяческих затруднений для поступления в цех, замыкаясь в наследственные касты ремесленников. При таких условиях вырос класс профессиональных подмастерьев, у которых исчезла всякая надежда

когда либо сделаться мастерами и которые стали резко противопоставлять последним свои интересы. Подмастерья делались, таким образом, простыми рабочими мастеров и для ограждения своих профессиональных интересов организовались в рабочие союзы, вступая в ожесточенную борьбу с своими патронами. Так в городах уже в средние века появился рабочий пролетариат, а вместе с тем возник и рабочий вопрос, как яркий симптом социального расслоения на почве роста капитализма. Означенные явления раньше всего сказались в Италии, опередившей в своем хозяйственном развитии все другие страны Европы. В частности, социальная история Флоренции XIV в. как нельзя лучше иллюстрирует раннее столкновение труда и капитала, имущих и неимущих слоев городского населения на Западе.

В пышном экономическом расцвете средневековой Италии, начавшемся в эпоху крестовых походов, Флоренция занимала одно из первых мест, но, в противоположность Венеции, Генуе и Пизе, она была обязана своею экономической мощью не посредничеству в торговле с Левантом, а широкому развитию банкового дела и промышленной деятельности. Банкирские операции флорентийцев выросли из посредничества при сборе многочисленных папских доходов, с удержанием больших сумм за комиссию, и уже к XIV в. Флоренция сделалась банкиром всего Запада, „пятою стихиею“, без

участия которой не обходилось ни одно скольконибудь крупное денежное предприятие. Управляя всеми финансовыми делами папской курии, имея конторы в главнейших городах Запада и портах Средиземного моря (не только европейских, но азиатских и африканских), флорентийцы широко ссужали деньгами духовных и светских магнатов, в особенности же королей Англии и герцогов Бургундии—под большие проценты. Достаточно сказать, что в 1346 г. государственный долг Англии двум банкирским флорентийским домам Перруци и Барди равнялся 1365 тыс. золотых флоринов (приблизительно 19 миллионов франков на довоенную золотую валюту). Государственное банкротство Англии, приведшее к краху означенных банкирских домов, вызвало острый экономический кризис во всей Флоренции, но уже в том же XIV в. она сумела оправиться от удара, снова стянула к себе большие капиталы и попрежнему стала практиковать широкий кредит по всему Западу.

Наряду с банкирской деятельностью, во Флоренции процветала промышленность, в особенности сукнодельная, еще с XIII в. организованная на капиталистических началах. Тонкие флорентийские сукна, частью перерабатываемые из грубого заграничного северного сукна, частью же изготовляемые непосредственно из шерсти, закупаемой большими партиями в Англии, Португалии и Испании, пользовались мировой известностью и на-

ходили большой спрос на Востоке. В 1300 г. во Флоренции насчитывалось 300 крупных сукнодельных предприятий, ежегодно производивших до 100 тыс. штук сукна на сумму в 1.200 тыс. золотых флоринов (около 12 миллионов марок на довоенную золотую валюту), причем $\frac{1}{3}$ часть этой суммы составляла заработную плату десятков тысяч рабочих, занятых в сукнодельной промышленности. При таком размахе производства, требовавшего большого оборотного капитала, господствующей формой промышленности во Флоренции естественно было не ремесло, а кустарная промышленность, с тесною зависимостью и беспощадной эксплуатацией кустарей крупными капиталистами—предпринимателями. Операции в области промышленности неразрывно были связаны с деятельным участием флорентийцев и в мировой торговле. Они всюду скупали шерсть и продавали свои суконные изделия. Делали это через посредство уполномоченных от крупных торговых фирм или через местных агентов. Везде, где жило, по крайней мере, 12 флорентийских граждан, они имели право основывать колонию и избирать из своей среды консула. Участие в международной торговле привело к тому, что сеть флорентийских поселений распространилась по всем странам Запада и Востока, и богатства всего мира стекались во Флоренцию.

„Ликуй, ликуй, Флоренция! Везде
„Могущество твое неотразимо.
„Известна ты на суше и воде,
„И даже ад готов неутомимо
„О флорентийских гражданах кричать—
так еще Данте (Ад, XXVI, 1—6) охарактеризовал экономическое могущество своей родины.

Присущий капиталистическому обществу дух спекуляции и наживы как нельзя более господствовал в кругах флорентийской буржуазии. У кого ничего нет, говорит Боккачио, тот глупец. Наибольшим почетом пользуется тот, кто много имеет, и каждому следует не только сохранять свое имущество, но и увеличивать его, насколько возможно. Такова была несложная философия флорентийцев, отражение безграничного классового эгоизма буржуазии, утопавшей в роскоши, блиставшей богатством обстановки и одежды, великолепными пирами и празднествами.

Могущество капиталистов нашло свое яркое выражение в политическом строе флорентийской республики, которая с конца XIII в. сделалась настоящим царством буржуазии. После ожесточенной борьбы горожан с феодальной знатью сила последней была сломлена окончательно, что и нашло свое выражение в знаменитых „постановлениях справедливости“ (1293 г.)—ряде драконовых мер против феодалов. Лишившись укрепленных замков, феодалы должны были поселиться внутри город-

ских стен, переменить свое имя и приписаться к одному из цехов, принадлежность к которым сделалась необходимым условием участия в политической жизни республики. Самая кличка феодала сделалась ненавистной свободолюбивым горожанам. Она означала лишение политических прав и давалась как тяжелое наказание за уголовные и государственные преступления.

Однако, не все горожане получили равную долю в деле управления внутренней жизнью республики. Чем материальнее была профессия, тем ниже стояла она в общественной иерархии, и, наоборот, наибольшим почетом пользовались профессии нотариусов, судей, врачей, банкиров, крупных промышленников, предполагавшие большую степень достатка и интеллектуального развития. Политическая власть фактически принадлежала так наз. „жирному народу“, организованному в 7 старших цехов, т. е. крупной буржуазии, лишь отчасти делившейся своими правами с мелкой буржуазией, организованной в 14 младших цехов. „Тощий народ“ или рабочий пролетариат, отчасти разделенный на ремесла и приписанный к старшим цехам, отчасти не приписанный ни к какому цеху и снискивавший себе пропитание поденною работою, представлял из себя бесправную, бедную и невежественную массу людей, стоявших под бдительным контролем привилегированной буржуазии, терпевших от нее всевозможные притеснения, до те-

лесного наказания включительно. Особенно много такого пролетариата обслуживало нужды шерстяного или сукнодельного цеха, одного из самых богатых и могущественных цехов республики. Целые 25 ремесл обрабатывали для сукнодельного цеха сырье, подчиняясь поставленным от этого цеха начальникам и не обладая никакими политическими правами, так как вне 21 цеха государство не признавало ни одной автономной организации и строго надзидало за тем, чтобы не возникало никаких новых обществ. Этот то забитый пролетариат и поднялся в 1378 г. на защиту попираемых прав широких слоев населения флорентийской республики.

К этому времени политическое устройство Флоренции представлялось в таком виде. Главным органом управления являлась сеньория, в которой заседал гонфалоньер (знаменосец) правосудия и 8 приоров от цехов, сменявшиеся через каждые два месяца. Выборы были двухстепенные, производившиеся путем народного голосования и метания жребия. Гонфалоньер и 6 приоров избирались старшими цехами, остальные два приора—младшими. Гонфалоньер правосудия считался хранителем конституции республики и командовал городской милицией. Сеньория в ее целом сосредоточивала в своих руках исполнительную власть, пользовалась правом объявления войны, заключения мира и инициативы по вопросам законода-

тельства. Последним правом пользовался каждый из членов сеньории в течении 3 дней по очереди.

Законодательные проекты, предложенные членом сеньории—так наз. *proposto*, последовательно обсуждались в коллегиях при сеньории, состоявших, из 16 гонфалоньеров народной милиции (по 4 от каждого из 4-х кварталов) и 12 советников (по 3 от квартала), совете народа, в состав которого входили 40 выборных от кварталов, консулы цехов, в количестве 21, и капитаны гвельфской партии, наконец, в совете коммуны, заключавшем в себе 200 выборных от всего политически правомочного населения, независимо от деления на кварталы. Судебная власть сосредоточивалась в руках подесты и капитана народа, причем первый судил гражданские проступки, второй—уголовные и политические. Приговоры, связанные с смертной казнью, пыткой и членовредительством, приводились в исполнение государственным палачем, избиравшимся, так же, как подеста и капитан народа, из иностранцев. Гражданские проступки, касавшиеся членов цеховых общин, разбирались особыми цеховыми судами, во главе которых стояли доктора права, тоже из иностранцев. Огромное влияние на политическую жизнь Флоренции оказывала так наз. гвельфская партия, объединявшая „жирный народ“ в сплоченную политическую организацию, которая возглавлялась девятью выбор-

ными капитанами. Эти капитаны фактически были настоящими олигархами, так как имели право отстранить любое лицо от занятия общественных должностей под предлогом подозрения его в политической неблагонадежности. И они широко пользовались этим правом, тем самым возбуждая против себя страшную ненависть всех тех, кто тяготился всевластием крупной буржуазии.

При краткосрочности республиканских магистратур, выборы производились несколько раз в год, каждый раз сопровождаясь ожесточенной борьбой партий, прикрывавших свои корыстные цели идейными лозунгами гвельфов и гибеллинов. В 70-х годах XIV в. во Флоренции боролись за власть две партии: партия слившейся с остатками знати крупной буржуазии, вождями которой были Альбицци, Кастильонкио, Содерини и друг., и партия средней и мелкой буржуазии, вождями которой являлись Альберти и Медичи. Первые выступали под лозунгом гвельфов и опирались на капитанов гвельфской партии, вторых подозревали в сочувствии к давно изгнанным гибелинам. И та и другая партия всячески старались низвергнуть противную сторону, вовлекая в свою борьбу широкие народные массы и приучая их жить буйною жизнью мятежного города.

В 1378 году у власти стояли сторонники Альбицци, бесцеремонно прибегавшие к услугам капитанов гвельфской партии для устранения какой бы

то ни было оппозиции. Однако на май и июнь гонфалоньером правосудия был избран представитель противной партии—Сильвестр Медичи. 18 июня Сильвестр Медичи путем метания жребия был назначен *proposito*. Пользуясь долго жданным случаем, Медичи предложил, согласно представленным ему петициям от младших цехов, на обсуждение коллегий законопроект, имевший целью ослабить влияние гвельфской партии и возобновить действие „постановлений справедливости“, которые в значительной мере были забыты, благодаря дружеским связям крупной буржуазии с феодальной знатью. В коллегиях законопроект встретил горячее сопротивление. Тогда Медичи отправился на заседание совета народа и заявил здесь, что он хотел спасти республику от тирании знати, но что коллегии этому воспротивились. В виду такой оппозиции, он—Медичи принужден удалиться от власти, сложивши с себя звание гонфалоньера и приора. При этих словах в совете поднялось страшное смятение. Сторонники Медичи кинулись на приверженцев гвельфской партии, а собравшаяся под окнами толпа по заранее условленному сигналу, с криками „да здравствует народ и свобода!“ бросилась закрывать лавки и готовить оружие.

Горожане укрепляли дома, спешно воздвигали баррикады на улицах. Младшие цехи демонстративно ходили по городу в полном вооружении, с развернутыми знаменами. Под угрозой революции, пред-

ложенные Медичи законопроекты были приняты и сеньориею и коллегиями и советами. Однако, движение, к которому присоединился заранее приготовленный к выступлению рабочий пролетариат, все более и более разрасталось. Толпа жгла роскошные дворцы „жирного народа“, разбивала двери темниц, мстила своим противникам грабежами и убийствами. Впрочем, совместные действия буржуазии и пролетариата продолжались недолго. Когда рабочие стали громить богатые монастыри младшие цехи, напуганные размерами движения, обратились против своих же союзников. Повстанцев стали ловить и вешать. Вместе с тем смешанная комиссия из магистратов и представителей цехов, получившая неограниченную власть (балия) реформировать государственный строй республики, провела ряд мероприятий в духе требований мелкой буржуазии. В конце июня была избрана новая сеньория и гонфалоньер правосудия Гвиччардини обратился к народу с воззванием, приказывая положить оружие, вернуться к мирным занятиям и возвратить награбленное имущество по принадлежности. Непокорным грозили суровые меры воздействия, для проведения которых вызвали из Романи в качестве государственного палача известного своею жестокостью сеньора Нуто с целым штатом помощников. Народное движение, от которого выиграли исключительно младшие цехи, на время утихло. Однако скоро оно проявило се-

бя вновь с еще большею силою, на этот раз принявши яркую окраску сословной борьбы несправедливого рабочего пролетариата против своих патронов.

Представители рабочих масс были крайне смущены мероприятиями правительства. Не получивши никакой выгоды от восстания, напуганные перспективою попасть в застенки к палачу Нуто, они стали собираться в укромных местах для совещания о дальнейших планах действий. „Чего ждете вы, несчастные, говорили им представители гибеллинов. Вас всех перевешает за грабежи сеньория!“ Решено было вооружиться и 20 июля поднять новое восстание против привилегированного „жирного народа“, чтобы, не надеясь на помощь мелкой буржуазии, собственными силами добиваться лучшего материального и правового положения. Нет сомнения, что Медичи и его сторонники не стояли в стороне от этого нового заговора, очевидно, надеясь окончательно раздавить власть крупных капиталистов силою поднявшегося рабочего люда и таким путем добиться первенствующей роли в республике. Однако на этот раз буржуазия обманулась в своих ожиданиях, так как встретила с пробудившимся классовым самосознанием пролетариата, впервые решившего преследовать собственные интересы.

Вечером накануне восстания сеньория получила анонимный донос о состоявшемся заговоре. Тотчас

же был схвачен один из заговорщиков, который под страхом пытки рассказал, что приписанные к сукнодельному цеху ремесленники—чиомпи (т. е. „оборванцы“¹⁾) не хотят более подчиняться своим патронам. Они хотят образовать свои собственные автономные цехи, выбирать собственных консулов и принимать широкое участие в политической жизни республики. С этою целью они и уговорились поднять на 20 июля знамя восстания. Не довольствуясь данными показаниями, сеньория подвергла заговорщика пытке, под влиянием которой последний сознался, что главный вдохновитель восстания бывший гонфалоньер правосудия—Медичи. Эти показания были подтверждены другими арестованными соучастниками заговора, которые заявили, что восстание назначено на завтрашнее утро, что оно должно сразу вспыхнуть в четырех местах города и что более 6 тысяч вооруженных ремесленников уже готовы к выступлению. Вызванный для объяснения Медичи отверг все возводимые на него обвинения, сознавшись, однако, что он слышал о заговоре, но нисколько не верил в его возможность. Напуганная сеньория побоялась применить к Медичи меры воздействия, ограничившись выговором. Отдан был приказ созвать всю городскую

¹⁾ „Chiompi“ — собственно испорченное французское слово „compères“ — „кумовья“, употреблявшееся в смысле „оборванцы“ — такова была презрительная кличка, данная рабочим их патронами.

милицию, и спешно отправлено требование в пригородные замки прислать как можно более подкреплений.

В это время один из рабочих — заговорщиков, починавший на дворцовой башне часы, услышал среди ночной тишины раздирающие душу крики пытаемого. Заглянув в окно, он различил слабое мерцание факелов и злобные лица палачей, подтягивавших на канате свою жертву. Тотчас же догадавшись, в чем дело, испуганный часовщик кинулся вниз и с криками „к оружию, к оружию! синьория избивает наших братьев“! бросился бежать по улицам города, сея тревогу. Тотчас же загудели колокола, зазвенело оружие, и тысячи вооруженного пролетариата в стройном порядке двинулись к дворцу сеньории.

Здесь уже собрался небольшой отряд наемных солдат, которые, не встречая поддержки со стороны городской милиции и цеховых ремесленников, вовсе не изъявляли желания вступать в бой с поднявшимся народом. Развернув знамя с изображением ангела-истребителя и не получивши ответа на требование освободить арестованных заговорщиков, разбушевавшиеся чиомпи стали осыпать стрелами здание сеньории. Встреченные, однако, градом камней и не имея возможности взять приступом эту твердыню, они рассыпались по улицам города, освещаемые пламенем пожаров. Случайно они завладели знаменем правосудия — священной

эмблемой республики, и с криками „огня и крови!“ начали разбивать дома зажиточной буржуазии. Между прочим, они сожгли дом гонфалоньера правосудия Гвиччардини и дворец сукнодельного цеха со всеми его архивами. Целую ночь и целый день бушевали повстанцы, истребляя имущество капиталистов и воздерживаясь от грабежей и хищений. По свидетельству очевидца, один из восставших получил удар копья в спину за то, что хотел воспользоваться курицей и куском соленого мяса из подожженного дома. Чиомпи считали для себя вопросом чести все предавать пламени — утварь, одежды, куски сукна, даже деньги и драгоценности.

К удивлению и негодованию современных летописцев, после полудня чиомпи приступили к церемонии посвящения в рыцари флорентийского народа Сильвестра Медичи и его единомышленников, открыто братавшихся с повстанцами. Церемония посвящения в рыцари, очевидно, придуманная для того, чтобы подчеркнуть силу и власть пролетариата и польстить его самолюбию, настолько пришлась по сердцу чиомпи, что они стали без разбору применять ее к друзьям и к недругам, даже к тем, дома и имущества которых только что были уничтожены пожаром. Между прочим, в рыцарское звание возвели и двух из среды чиомпи, которым постановили выдать по 2000 флоринов для поддержания образа жизни, приличного их новому положению.

Утром 21 июля разразился страшный ливень, какого никогда еще не видали жители Флоренции. Он буквально затопил улицы и площади города, но не остановил энергии восставших чиомпи. Они властно потребовали к себе на подкрепление старшие и младшие цехи. Одни из цехов, в том числе сукнодельный, наотрез отказались притти, другие только прислали свои знамена, третьи явились в полном составе, напуганные угрозой предания пламени их домов и имущества. Во всяком случае чиомпи получили значительную подмогу, с которой они и штурмовали замок подесты, не менее грозную крепость, нежели дворец сеньории. Более двух часов подеста с своими немногими приближенными отчаянно отбивался от нападавших стрелами и камнями, но, не получая ниоткуда подмоги, вынужден был сдаться представителям цехов, на условии свободного пропуски из замка всех осажденных. Уничтоживши все письменоводство подесты и выбросивши на улицу мебель, чиомпи водрузили на вершине замка знамя правосудия и цеховые знамена и отправили делегацию к осажденным членам сеньории, с целью предложить им „справедливые и разумные“ требования. Главнейшими из них были следующие: 1) учреждение трех новых цехов, в состав которых могли бы войти все нецеховые ремесленники, 2) предоставление этим цехам права выбирать из своей среды двух приоров сеньории и четвертую часть членов всех правительственных

коллегий, 3) ассигнование 500 флоринов для покупки дворца, в котором могли бы заседать представители рабочих сукнодельного цеха, 4) предоставление права замещать должность гонфалоньера правосудия не только выборным от „жирного народа“, но и выборным „тощего народа“ и младших цехов, 5) отмена кровавых телесных наказаний за уголовные преступления и замена их денежными штрафами, 6) двухлетняя отсрочка для „тощего народа“ платежей долгов, не превышающих суммы в 50 флоринов, 7) отмена тяжелых чрезвычайных налогов и равномерное распределение налогового бремени соответственно имуществу плательщиков, 8) прекращение уплаты процентов государственным кредиторам, с возвращением им, однако, в течение 12 лет внесенных в государственный банк капиталов, 9) денежное вознаграждение друзьям чиомпи и изгнание их врагов 10) недопущение в число городских магистратов (по крайней мере, в течение 10 лет) тех граждан, дома которых были сожжены во время восстания, 11) полная амнистия для повстанцев.

Невольно бросается в глаза умеренность программы чиомпи, в которой в сущности не было ничего страшного для буржуазии. Основная ее цель — улучшение положения „тощего народа“ путем проведения в жизнь скромной социальной реформы. А чтобы обеспечить действительное выполнение этой реформы, повстанцы требуют участия в упра-

188

влении, и только. Здесь пока еще нет речи о разрыве с буржуазией, а тем более попытки подчинить ее власти восставших.

В то время, когда чиомпи с развернутыми знаменами стояли на площади, ожидая ответа, сеньория и коллегии приняли их требования без всякого сопротивления. Тотчас же ударили в вечевой колокол для созыва совета народа, который, с своей стороны, почти единогласно подтвердил постановление сеньории и коллегий. Чиомпи успокоились. Они обещали, что в случае, если созываемый на следующий день совет коммуны окончательно примет их требования, они сложат оружие и вернуться к обычным занятиям. Однако, уже к вечеру, когда в народе распространился слух, будто сеньория вызывает к себе на помощь наемных солдат, настроение резко переменилось. Чиомпи захватили ключи от городских ворот и грозили сжечь город до основания в случае появления кондотьеров. Сеньория была вынуждена издать приказ, повелевающий правительственным войскам вернуться в места их стоянки. Повстанцы волновались всю ночь, оберегая городские ворота, а утром снова с оружием явились на площадь, опасаясь неблагоприятного для них решения в совете коммуны. Собрание открылось при отчаянных криках собравшейся под окнами толпы, делавших совершенно невозможным правильное обсуждение программы чиомпи. Вся она, впрочем, была принята и таким

образом окончательно получила силу закона. Тем временем волнение все усиливалось, и один из членов сеньории ушел под благовидным предлогом домой, опасаясь народной расправы. „Пусть они идут все, закричали чиомпи. Мы не хотим сеньории; или мы предадим весь город огню и не оставим от него камня на камне“. „Долой изменников!“, повторяли они, ворвавшись на двор сеньории. Между членами совета произошло замешательство и они стали искать спасения в бегстве. А между тем повстанцы уже взбирались по лестнице, ломались в двери. Наконец, дверь не выдержала, и толпа залила весь зал сеньории. Епереди всех, со знаменем правосудия в руках, выступал чесальщик шерсти Микель, сын Орландо, или по просту Микель Ландо, в обутом на босую ногу башмаках, грязный и оборванный, но импонировавший своею мощною фигурою и гордыми чертами. В юности он был солдатом в Ломбардии, теперь же, вспомнивши свое старое ремесло кондотьера, стал во главе восставших чиомпи, которые охотно ему повиновались, как человеку громадной физической силы и несокрушимой энергии. Ударяя древком знамени правосудия о пол, он громко закричал, обращаясь к Чиомпи: „Вы видите, дворец принадлежит вам; этот город тоже в ваших руках. Какова же будет ваша верховная воля?“ Все в один голос отвечали, что они выбирают его гонфалоньером правосудия и что лишь ему одному

они будут охотно подчиняться. Так 22 июля 1378 г. Флоренция оказалась в руках двадцатитысячной массы рабочего пролетариата. „О, добрый боже, какие чудеса ты творишь!“, не без горечи восклицает по этому поводу современный летописец Каппони.

Так как в помощь Ландо не назначили никаких должностных лиц, а старая магистратура разбежалась, он оказался неограниченным вершителем судьбы флорентийской республики. Но он лишь сутки с небольшим пользовался своими широкими полномочиями. Это не был народный вождь, стремившийся к „диктатуре рабочего пролетариата“. Он не воспользовался своим высоким положением в целях коренного переустройства внутренней жизни родного города. Наоборот, Ландо стремился стать выше классовых интересов и решил твердо держаться старой конституции республики, внесши в нее лишь несущественные дополнения в духе петиции 21 июля, под которой значилась его подпись. Уже на другой день (23 июля) он созвал народное собрание, утвердившее за ним звание гонфалоньера путем плебисцита, и окружал себя советниками из представителей цехов, а также явных и тайных участников восстания, в том числе Медичи и Альберти. Созданная таким образом коллегия получила неограниченные полномочия (балия) провести государственные реформы, организовала три новых цеха из

нецеховых рабочих и провела избрание новых приоров—не только от старших и младших цехов, но и от вновь сформированных. Были переизбраны и другие магистраты, в число которых попали чиомпи и их приверженцы. Таким образом чиомпи, повидимому, добились того, чего требовали. Однако, завоевания их покоились на очень шатких основаниях. При всей своей пронизательности, Ландо упустил из виду то обстоятельство, что положение неминуемо должно было измениться не в пользу чиомпи, так как при создавшихся условиях буржуазия во всякое время легко могла удалить их от власти, оправившись от испытанного удара. Ведь, она попрежнему оставалась госпожею положения, обладая, согласно конституции республики, большинством голосов и в сеньории и в городских советах. Доверчивый Ландо не сумел упрочить силу своих товарищей. В результате полный разгром рабочего класса и возвращение к прежним порядкам.

Уже с самого начала своего правления Ландо начинает ссориться с чиомпи. Последние прежде всего требуют улучшения своего экономического положения, он же более заботится об утверждении поколебленного государственного порядка, нежели о материальной помощи беднейшим слоям населения. Он и не думает сколько нибудь урегулировать отношения между трудом и капиталом, оставляя все в прежнем положении. Внешним вы-

ражением такого направления политики Ландо является постановка им на городской площади виселицы и организация правильной охраны дворца сеньории. Убийство государственного палача Нуто, буквально растерзанного толпою, было последним кровавым актом восставших чиомпи. В изданном сеньорией декрете всем гражданам предписывалось немедленно сложить оружие, разобрать баррикады, открыть мастерские и вернуться к мирным занятиям. В угоду повстанцам, 30 граждан из числа наиболее ненавистных народу подверглись проскрипции.

Однако, мирная жизнь во Флоренции не налаживалась, и положение попрежнему продолжало оставаться крайне тревожным. Много недовольных из числа „жирного народа“ удалились в пригороды и не возвращались, несмотря на угрозы правительства. Оставшиеся упорно не открывали своих предприятий, в частности, мастера сукнодельного цеха, вопреки предписанию выпускать 2000 штук сукна ежемесячно, мстили чиомпи отказом в работе, намереваясь уморить их голодной смертью. И чиомпи, действительно, голодали. Правительство отменило на 6 месяцев налог на зерно и муку, спешно закупало хлеб и продавало его „тощему народу“ по дешевой цене в долг, но так как для этой операции нужны были деньги, пришлось прибегнуть к экстренным налогам, падавшим на всех граждан, в том числе и на неимущих чиом-

пи. Так с самого начала было нарушено одно из основных требований последних. Не так думали чиомпи воспользоваться плодами своей победы. Среди них все более и более начинают раздаваться жалобы на то, что им не дают ни хлеба, ни работы ни политической власти в республике. Между умеренными и крайними элементами рабочего движения произошел решительный раскол. Недовольные обвиняли Ландо в измене, в союзе с буржуазиею и поговаривали о новом восстании. Правительство отвечало на это арестами и тем самым лишь ускорило новые революционные вспышки.

28 августа чиомпи собрались, в количестве нескольких тысяч человек, на площади Сеньории, развернули свое знамя с изображением ангелистребителя и с криками „да здравствует народ!“ выражали свои угрозы и недовольство правительством. На вопрос, что им надо, чиомпи тут же на площади составили петицию, в которой требовали удаления от власти цеховых старшин, привлеченных к управлению Микелем Ландо, лишения всех лиц, возведенных в рыцарское звание, права занимать общественные должности, отобрания наград у своих бывших союзников—Медичи и других, прекращения всяких преследований против „тощего народа“, а также отмены личной и имущественной ответственности их по долговым обязательствам. Получивши обещание передачи их требований на рассмотрение советов, чиомпи собрались в мона-

стыре св. Марии, после долгих совещаний (при участии монахов) выбрали „совет восьми народа божия“ и 16 советников к нему, и решили добиваться вручения этим выборным неограниченной власти по реформе государственного строя республики. Так окончательно произошло отделение „тощего народа“ от буржуазии, и был, наконец, сформирован орган чисто рабочего правительства.

На другой день, 29 августа, происходили выборы новой сеньории, так как Микель Ландо и приоры считались лишь заместителями сеньории, распущенной во время восстания, срок полномочий которой истекал в конце августа. Избрание происходило в присутствии вооруженных чиомпи, которые с криками и угрозами принимали или отвергали имена кандидатов, жребии которых вынимались из избирательных ящиков. Такая беспорядочная процедура выборов продолжалась весь день, причем все же, согласно июльской конституции, избраны были 3 приора от старших цехов, 3 от младших и 3 от вновь сформированных. Единственное нововведение, принятое по требованию Чиомпи, сводилось к тому, чтобы гонфалоньер правосудия неизменно избирался из среды членов их цеха. Утверждение новой сеньории советами должно было последовать 1 сентября, и чиомпи потребовали, чтобы приоры клятвенно обещались представить на утверждение народных собраний избранный ими „совет восьми народа божия“, как

постоянный орган, контролирующий сеньорию. Получивши решительный отказ, они образовали коллегия из консулов своего цеха, с придачею им десяти советников, с тем, чтобы эта коллегия имела право удалять всех неугодных ей магистратов в государстве и в цехах. Говоря другими словами, чиомпи хотели присвоить себе те же права, которыми ранее обладала гвельфская партия.

Разрыв между буржуазией и пролетариатом, который стремился, наконец, установить не призрачную, а настоящую диктатуру рабочего класса, был полный, и обе стороны готовились к решительному бою. Микель Ландо, окончательно ставший на сторону буржуазии, в которой он видел защитницу поколебленного государственного порядка, принимал деятельные меры защиты против своих собратьев. Давши секретное предписание одному из Альберти тщательно охранять городские ворота, он разослал во все пригородные замки приказы об экстренной присылке военных отрядов в распоряжение правительства. Все старые цехи действовали теперь за одно: крупная и мелкая буржуазия перед лицом общей опасности забыла свои распри, чтобы общими силами выступить против чиомпи, задумавших, по ее мнению, опустошить Флоренцию, ограбить и перебить всех добрых граждан и продать республику одному из иностранных тираннов. Слух о готовящейся тирании ловко был пущен Микелем Ландо на основа-

нии того, что „совет восьми народа божия“ устроил пышный прием барону и кондотьеру республики Бартоломео Смедуччи, явившемуся в это время во Флоренцию для переговоров с сеньориєю.

Утром 31 августа вооруженные цехи выстроились на площади „для защиты приоров и Флоренции“. Чиомпи, с своей стороны, собравшись в трех пунктах города, ждали только сигнала, чтобы начать общее наступление на дворец сеньории. Желая, однако, предупредить столкновение, чиомпи отправили к сеньории в качестве делегатов двоих членов „совета восьми народа божия“, с требованием клятвенно обещать допущение этого совета для заседания „денно и ночью“ совместно с сеньориєю. Чувствуя за собой силу народа и, очевидно, уверенные в легкой победе, делегаты вели себя крайне заносчиво, и напуганные члены сеньории стали уже приносить им поочередно требуемую клятву, когда неожиданно в дело вмешался выведенный из терпения Ландо. Он стремительно бросился на делегатов с обнаженной шпагой, настиг их на лестнице, одному проткнул руку, другого ранил в голову. Последний в своем падении увлек встречного монаха, несшего вино, и оба скатились на каменные плиты, облитые вином, смешанным с кровью. Смерть монаха, оказавшегося при падении внизу, спасла от гибели раненого чиомпи, и обоих рабочих делегатов сбежавшиеся привратники еле укрыли от ярости Ландо, заперевши их в комнате под лестницей.

Когда слух об этом происшествии дошел до сведения чиомпи, они зазвонили в колокола, тем самым подавая сигнал к общему наступлению на дворец сеньории. С своей стороны, Ландо распорядился ударить в вечевой колокол на боевой башне сеньории, и с знаменем правосудия в руках повел конный отряд правительственных солдат в рабочие кварталы, чтобы поразить чиомпи в самом сердце их организации — монастыре св. Марии. „Да здравствует народ и цехи, кричал он, гибель тем, кто хочет тирана!“ Воинственный вид гонфалоньера и развевающееся знамя правосудия зажигаяще подействовали на буржуазное население, которое, забывши свои недавние страхи, массами присоединилось к отряду Ландо. Не встретивши никого на своем пути, так как чиомпи спешили другими дорогами на площадь сеньории, Ландо вернулся как раз во время, чтобы принять начальство над всеми военными силами правительства, выстроившимися лицом к лицу с ополчением повстанцев. В последовавшей схватке между двумя сторонами чиомпи, не имевшие скольконибудь способных вождей и слишком уверенные в легкой победе, потерпели полное поражение. Атакующие с одной стороны конницей, с другой стороны пехотой правительства, осыпанные градом камней с вершины дворца сеньории, они быстро пришли в замешательство, не пытались оказать стойкого сопротивления, искали спасения в поспешном бег-

стве и рассеялись в пригородах. Вся их нетвердая организация была разрушена одним ударом.

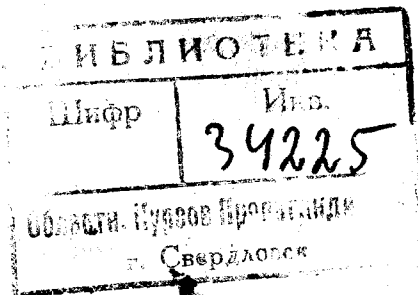
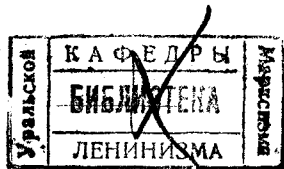
„Долой чиомпи!“ кричала собравшаяся на другой день на площади толпа, когда во дворце сеньории происходила церемония передачи знамени правосудия новому гонфалоньеру. Этот новый гонфалоньер был чесальщик шерсти, чиомпи. По требованию толпы, его выгнали из дворца вместе с другим чесальщиком шерсти, приором новой сеньории. Выброшенное из окна знамя чиомпи с зловещим изображением ангела — истребителя было изорвано в куски, пущенные по ветру. Новые приоры совместно с представителями 21 цеха постановили, что отныне никто из чиомпи не должен находится у власти, и что самый цех чиомпи, просуществовавший немногим более месяца, подлежит уничтожению. Два других цеха, сформированных из представителей „тощего народа“, были оставлены и причислены к младшим цехам, которые (в числе 16) получили право выбирать 5 приоров сеньории и вообще большинство голосов в правительственных органах республики. Все эти постановления были утверждены народным собранием, которое признало недействительными все законы, изданные чиомпи в течение июля и августа, а их предводителям заочно вынесло смертные приговоры. Впрочем, смертная казнь была приведена в исполнение лишь по отношению к двум членам „совета восьми народа божия“, несчастным деле-

гатам чиомпи, содержавшимся под стражею после нанесения им ран Микелем Ландо.

Ландо чествовали, как спасителя отечества. Новое правительство осыпало его подарками и устроило ему триумфальное шествие из дворца сеньории. Дворцовые пажи вели под удцы его лошадь с великолепным седлом, а впереди несли щит и копье при восторженных криках народа. Однако милости, расточаемые республикой Ландо, продолжались недолго. Уже через несколько лет, когда кратковременное торжество младших цехов снова уступило место господству крупных капиталистов, буржуазная реакция, ярким выражением которой явилось изгнание более тысячи чесальщиков шерсти из Флоренции, добралась в конце концов и до Ландо. В 1382 году и он вынужден был спастись от ярости своих сограждан в венецианскую гавань Чиоггио. А между тем он и не думал мечтать о возвращении к своему высокому и опасному положению народного диктатора.

Так печально кончилась для рабочего класса флорентийская революция 1378 года, представляющая из себя первую в истории попытку пролетариата сломить силы капиталистов путем захвата в свои руки политической власти. Попытка оказалась неудачной вследствие политической отсталости и неорганизованности рабочего класса, а также скудности его материальных средств по сравнению с теми, какими располагала буржуазия.

Восстание чиомпи интересно, как предвозвестник роста новой социальной силы на Западе, как первое столкновение труда и капитала в условиях жизни буржуазного общества. В истории же Флоренции оно—лишь мелкий эпизод, имеющий значение лишь как один из моментов социальной борьбы, которая вела родину Данте, Боккачио и Петрарки от буржуазной республики к купеческой олигархии, а от этой последней к тирании представителей фамилии Медичи.

ХМ